

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Крест святого Петра – величайшее сакральное сокровище. В него были вправлены четыре драгоценных камня, но после разграбления Римской империи варварами камни пропали. По легенде, тот, кто сумеет собрать все четыре камня вместе, получит неограниченную власть над миром...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Таинственный сапфир апостола Петра

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
**Таинственный сапфир
апостола Петра**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Таинственный сапфир апостола Петра / Н. Н. Александрова —
«Эксмо», 2015 — (Артефакт & Детектив)

После смерти Христа апостол Петр оправил четыре камня, данные ему Мессией, в золотой крест и всегда носил его при себе. Святой Петр обладал огромной духовной силой, совершал чудеса, исцелял больных и страждущих. Есть версия, что помогал ему в этом чудотворный золотой крест. После падения Римской империи была разграблена и могила святого Петра в Ватикане. Четыре варвара, нашедшие захоронение, по справедливости поделили четыре драгоценных камня и разошлись в разные стороны. С тех пор судьба камней неизвестна. Существует легенда, что, если кто-то сумеет собрать эти четыре камня вместе, этот человек будет обладать бесконечной властью над телами и душами людей... Искусствовед Агния Иволгина, помощница антиквара Борового, не могла понять, почему ее босс с таким остервенением торговался на аукционе в Венеции за кубок, не представлявший, по ее мнению, особой ценности. Однако, когда в тот же вечер Боровой был убит при попытке ограбления, а сама Агния едва не погибла в подстроенной аварии и при этом исчезло главное украшение кубка – огромный синий сапфир, девушка поняла: неспроста Боровой выложил такую огромную сумму за ничем не примечательный лот!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Наталья Александрова

Таинственный сапфир апостола Петра

© Александрова Н. Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Там, где много лет назад билось сердце мира, – теперь бродили волки и лисы в поисках добычи. Там, куда сходились мощные камнем дороги из Галлии и Испании, из Паннонии и Фракии – теперь остались только звериные тропы. Там, куда привозили хлеб и медь из Карфагена, пряности и шелка из Парфии, драгоценную древесину из Ливана, золото и самоцветные камни из далеких восточных земель, – теперь царили нищета и запустение. Там, где днем и ночью говорили на ста языках, торговали и спорили, заключали миллионные сделки и приносили клятвы незнакомым богам купцы и просители, съехавшиеся со всех концов мира, – теперь царила мертвая тишина, нарушаемая только таинственным шепотом ветра в ветвях да ночным криком сов.

Там, где величественно проходили гордые римские патриции в сопровождении телохранителей-ликторов, где спешили по делам удачливые вольноотпущенники и богатые, пышно разодетые купцы из Парфии или Галлии, – теперь кралась лиса, почуявшая в кустах куропатку. Там, где пировали сенаторы и военачальники, – теперь волк обгладывал чьи-то жалкие останки. На месте римского форума зеленела роца, ласточки устроили гнезда в выбоинах облицованных мрамором стен. Кое-где среди зарослей терновника валялись прекрасные мраморные статуи, но и они, если приглядеться, были безнадежно обезображены – у одной не хватало руки, у другой был отбит нос.

Великий город, Вечный город Рим пережил свой блистательный расцвет, пережил свой упадок и умер под ударами варваров. Готы Алариха, вандалы Гейзериха, лангобарды Вальтария страшными волнами набегали на Вечный город, разрушали его храмы и угоняли в рабство гордых римских граждан. Десятки полудиких племен – герулы и везеготы, бургунды и аланы – возникали, как призраки, нападали на Вечный город, чтобы урвать свой кусок от его неисчислимых сокровищ и снова исчезнуть в бескрайних лесах севера или бесплодных пустынях востока, унося с собой золотые светильники из храма Юпитера Капитолийского или драгоценную утварь из ограбленного императорского дворца...

И наконец, от Рима не осталось ничего. Или почти ничего.

Последние жалкие остатки некогда гордых римлян ютились в землянках и лачугах, кое-как притулившись рядом с разрушенным форумом или под стеной Колизея. Теперь нельзя было отличить патриция от плебея, потомка сенаторов от уличного попрошайки. Все они с трудом находили себе пропитание и прятались при первых звуках приближающихся варварских отрядов.

Вот и сейчас все они попрятались, и древний форум казался вымершим – по его разбитым плитам ехали верхом четыре рослых бородастых воина, четыре германца. Может быть, лангобарды, может быть, бургунды, кто их разберет...

– Зря мы сюда притащились, – говорил рыжебородый варвар с обезображенным шрамом грубым лицом, в помятом медном панцире. – Не нравится мне это место. Того и гляди, нарвешься на засаду. Зря мы сюда притащились...

Самый рослый из варваров, могучий воин в железном шлеме, украшенном бычьими рогами, повернулся к спутнику и произнес хриплым голосом:

– Я не узнаю тебя, Одорих! Ты никогда не робел, даже в тот день, когда мы вдвоем наткнулись на целую шайку аваров!

– Одно дело – авары, их я встречал не раз и убивал десятками. А здесь какое-то дурное место, мне кажется, оно населено злыми духами, а супротив злых духов не помогут ни меч, ни боевой топор! И вообще, что нас сюда привело? Что мы ищем среди этих развалин?

– Золото, Одорих! Мы ищем золото! Мой свояк Ругидий привез отсюда целый пуд всяких золотых побрякушек!

– Откуда здесь золото? – не унимался рыжебородый. – Здесь одни руины, в которых живут совы да еноты...

– Когда-то здесь был самый богатый и славный город в мире, – возражал ему предводитель. – Здеишние жители ели на серебре и золоте, расчесывали волосы золотыми гребешками и пили сладкое вино из золотых кубков. Не может такого быть, чтобы от этого богатства ничего не осталось!

– Очень даже может! – гнул свое Одорих. – По этим местам уже прошли все племена, все войска и шайки, какие только есть на свете! Отсюда уже унесли все, что можно! На что ты рассчитываешь, Рагнар, после всех этих людей?

– На что я рассчитываю? На свое везение! Ты же знаешь, Одорих, как любят меня боги! Я не верю, что здеишние жители ничего не припрятали на черный день...

– Местные жители? Да где они, эти жители?! Я не вижу здесь никого, кроме диких зверей, да и те убегают при нашем появлении! Никого, кроме лис да барсуков!

– Не видишь? – переспросил его Рагнар. – А ты протри глаза да посмотри хорошенько! Вон, за тем кустом – смотри, там притаился какой-то старик!

Рагнар спрыгнул с лошади, бросился вперед и схватил за плечо худого смуглого старика, который безуспешно пытался ускользнуть в узкий темный лаз вроде устья пещеры.

– Вот, глянь-ка, Одорих, какого барсука я поймал!

– Не знаю, какой прок тебе в этом оборванце! – проворчал Одорих, слезая с коня. – Неужели ты думаешь, что у него есть золото? Ты у него ничего не найдешь, кроме вшей!

– Отпустите меня, добрый господин! – заговорил, отдышавшись, старик. – Ваш друг прав: я беден, как мышь, с меня вам не будет никакой прибыли! У меня нет не то что золота, но даже пропитания! Отпустите меня во имя Христа...

– Так ты почитатель этого странного бога? – Рагнар с интересом взглянул на пленника. – Я слышал про него. Один мой родич сам стал христианином. Правда, это ему не помогло – он погиб в стычке с шайкой везиготов...

– Так отпустите меня, добрый господин! – повторил старик. – Это зачтется вам на Страшном суде...

– Ты никак вздумал меня пугать? – нахмурился германец. – Ты угрожаешь мне каким-то судом? Вот этого я не люблю! Для меня есть только один суд – суд моего меча!

– Я говорю не о земном суде, – ответил ему христианин. – Я говорю о суде небесном! На этом суде все предстанут пред очами Господа – бедные и богатые, сильные и слабые, господа и нищие...

– Не говори ерунды! Никогда слабый не сравняется с сильным! Говоришь, у тебя ничего нет? А куда ведет эта нора? Надо бы ее проверить!

Смуглое лицо старика побледнело, он затрясся и проговорил жалобным, умоляющим голосом:

– Это просто звериная нора, добрый господин! Я прячусь в ней от непогоды и от злых людей... клянусь тебе, там ничего нет! Да ты и не пролезешь туда, добрый господин! Она годится только для такого тщедушного человека, как я!

– Что-то уж больно ты заволновался, христианин! – Рагнар нахмурился, приблизился к устью пещеры и заглянул внутрь. – Не иначе, ты прячешь здесь свои сокровища!

– Какие сокровища? – лепетал старик. – Вы же видите, добрый господин, я нищ!

– Всякое бывает, всякое бывает! – Германец подозвал одного из своих молодых спутников, отломил ветку от куста, зажег ее кремневым огнивом и подал молодому воину: – Арнульф, полезай вперед с факелом, мы последуем за тобой!

– Не нужно, добрый господин, не нужно! – причитал старик. – Свод может обрушиться на вас... Будет очень жаль, если погибнут такие добрые господа!

– Что это ты так за нас переживаешь? – ухмыльнулся Рагнар и втолкнул старика в пещеру вслед за воином с факелом. – Полезай-ка в свою нору!

Старик, всхлипывая, полез вперед.

Узкий проход вскоре расширился, превратившись в подземный коридор. Рагнар принялся: в подземелье пахло чем-то неприятным, очень неприятным... Варвар узнал этот запах: в подземелье пахло смертью. Одорих, который шел вслед за Рагнаром, тоже почувствовал этот запах. Он замедлил шаги и вполголоса проговорил:

– Не нравится мне здесь... Может, и правда, вернуться?

– Ну, уж нет! Теперь я ни за что не вернусь! – прохрипел Рагнар и решительно зашагал вперед.

Молодой Арнульф, возглавлявший процессию, издал удивленный возглас и попытился.

По стенам подземелья в несколько рядов лежали высохшие человеческие трупы.

– Что это такое, христианин? – спросил Рагнар старика.

– Это место, где мы, христиане, хороним своих мертвых, – ответил тот тихо. – Прошу вас, добрые господа, проявите уважение к их смерти, не тревожьте их бренные останки!

– Пойдем отсюда, Рагнар! – проговорил рыжебородый, догоняя спутников. – Не люблю мертвецов... От них у меня становится щекотно в животе...

– Ты никак трусил, Одорих? – усмехнулся Рагнар.

– Не говори так! – Одорих возмущенно побагровел. – Ты знаешь, что я никогда не был трусом! Я готов сразиться хоть с сотней врагов – но только живых врагов! Но мертвецы – это совсем другое дело, от них никогда не знаешь, чего ждать! Вдруг они оживут и набросятся сзади? Вдруг они выпьют всю мою кровь?

– Так и говори, что трусил! Теперь, когда мы нашли могилы этих христиан, отступить не время! Наверняка где-то тут они прячут и свои драгоценности!

– У нас нет никаких драгоценностей, добрый господин! – повторял старик самым жалобным голосом.

– Я это уже много раз от тебя слышал, старик! – прикрикнул Рагнар на христианина. – Умолкни и иди вперед!

Германцы шли дальше вслед за стариком – и чем дальше они шли, тем медленнее и неохотнее двигался их провожатый.

– Шагай быстрее, старик! – прикрикнул на него Рагнар и ткнул христианина в спину.

– Я стар... – жалобно произнес тот, спотыкаясь. – Здесь темно... Я не могу идти быстрее...

– Шагай, если не хочешь познакомиться с моим мечом!

Христианин что-то невнятно пробормотал, сделал еще несколько шагов и остановился.

– Прошу вас, не заставляйте меня идти дальше, добрые господа! – проговорил он жалобным голосом.

– Еще как заставим! – рявкнул Рагнар. – Я чувствую впереди запах сокровищ, и ты приведешь нас к ним!

– В этом подземелье нет никаких сокровищ! – воскликнул христианин с неожиданной страстью. – То есть в нем нет никаких земных сокровищ, тех, которых вы желаете! Здесь есть только сокровища духа! Сокровища нашего Небесного Отца!

– Нам без разницы, чьи это сокровища – мы их заберем, чего бы это ни стоило, хочешь ты этого или не хочешь!

– Вы не так меня поняли... это не сокровищница, добрые господа, это кладбище... Здесь нашли свое последнее упокоение святые, благочестивые люди...

– Старик, мне надоела твоя болтовня! Еще одно слово – и я отрублю тебе руку! – И варвар потянул свой меч из ножен, угрожающе сверкая глазами.

Старик тяжело вздохнул и сделал еще несколько шагов. Он едва передвигал ноги, как будто к каждой была прикована пудовая гиря.

Подземелье расширилось, свод его стал гораздо выше, потерявшись в темноте.

Воин с факелом в руке вышел вперед, поднял факел над головой, чтобы осветить помещение, в котором они оказались.

Это был большой грот со сводчатым потолком и выложенными кирпичом стенами. Должно быть, прежде это был подвал какого-то из римских храмов, но сейчас этот грот был, как и все подземелье, превращен в захоронение.

Только здесь был похоронен всего один человек.

Он покоился посреди грота на мраморном возвышении, со сложенными на груди руками. Лицо и все тело этого человека не были тронуты тлением, от него не исходил тлетворный запах смерти, запах разложения, напротив, этот мертвец источал тонкое, едва уловимое благоухание.

Гладкий лоб с глубокими залысинами казался необыкновенно высоким, тонкие седые волосы ниспадали на плечи.

Мертвец был облачен в длинное одеяние из белого льна и в грубые кожаные сандалии.

Весь его облик был исполнен такого удивительного величия, что Рагнар невольно попятился и непривычно тихим голосом спросил христианина:

– Кто это? Какой-то мертвый вождь?

– Да, это вождь всех праведных, это наследник великого владыки, ученик и преданный слуга нашего Господа. Это о нем сказал Спаситель: Ты – Петр, камень, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее! Он нес нам слово Божье, он был нашим добрым пастырем... Покиньте это место, добрые господа, не тревожьте вечный покой святого!

– Кто бы он ни был, мы не уйдем отсюда прежде, чем заберем его сокровища! – воскликнул, выходя вперед, рыжебородый. – Не зря же мы тащились по этому подземелью!

– Я говорил вам, добрые господа, что здесь нет никаких сокровищ! – повторил христианин.

– Никаких сокровищ? – повторил за ним рыжебородый. – А это что?

Он протянул к мертвецу руку и схватил крест, покоившийся на его груди. Массивный золотой крест был по четырем концам украшен четырьмя сияющими камнями – синим, как полуденное небо, красным, как закатное солнце, зеленым, как пронизанное светом южное море, и янтарно-желтым, как солнце.

– Не трогайте этот крест, добрый господин! – закричал христианин, бросившись к германцу. – Не трогай эту святыню, варвар! Убери от нее свои грязные руки!

Он выхватил из своих лохмотьев заржавевший кинжал и попытался ударить германца в грудь, но молодой воин, который стоял в тени, опередил его и молниеносным ударом меча поразил христианина.

Старик рухнул на пол возле мраморного возвышения и забился в предсмертных конвульсиях.

– Туда ему и дорога! – проговорил Рагнар, отталкивая мертвого христианина к стене. – Ну что ж, похоже, что больше ничего стоящего в этом подземелье мы не найдем. Остается только один вопрос: как поступить с этим крестом?

– Мы, вольные германцы, должны поступить по справедливости! – подал голос молодой воин, который убил христианина.

– По справедливости? – повторил за ним рыжебородый. – Ты так считаешь, Герузий? Я думаю, что самое справедливое – разыграть его в кости!

– Нет, в кости с тобой я играть не буду, – возразил Рагнар.

– Что, ты хочешь сказать, что я нечестно играю? – Рыжебородый потянулся за мечом.

– Нет, я только хочу сказать, что тебе чересчур везет.

– Значит, меня любят боги!

– Все равно, как ни называй – это не будет справедливо. Я предлагаю вынуть из креста камни и разделить их. Камня четыре – и нас четверо. Я считаю, что это будет справедливо.

– А сам крест?

– Сам крест мы оставим этому святому. – Рагнар взглянул на величественного мертвеца. – У нас же есть обычай отдавать часть добычи богам...

– Мы отдаем часть добычи своим богам – но это не наш бог и не наш святой! – возразил рыжебородый.

– Пусть так, но все же оставим ему крест, чтобы он не слишком гневался!

– Пусть будет по-твоему! – неохотно согласился рыжебородый.

Выбравшись из подземного склепа, германцы прошли еще немного среди руин Вечного города и остановились там, где начинались вымощенные камнем дороги, расходящиеся в разные стороны.

– Здесь наши пути расходятся, – проговорил Одорих, оглядываясь по сторонам. – Я отправлюсь на запад, к королю франков. Говорят, он набирает дружину, чтобы сразиться с везиготами.

– А я хочу попытать счастья на востоке, – сказал молодой Герузий, который только что заколот христианина. – Мезигий, вождь аваров, хочет поступить на службу к византийскому базилевсу.

– А я отправлюсь на север, к фризам, – произнес, в свою очередь, Рагнар. – Они собираются в морской поход на дальние острова. Настоящее дело для настоящего воина.

– А я отплыву с вождем вандалов Рустом на юг, в африканские земли, – сообщил самый молодой воин, Арнульф. – Что ж, нам было весело вместе, и я никогда не забуду вас, друзья!

И четыре варварских воина двинулись в разные стороны, навстречу своей изменчивой судьбе.

* * *

Темно-красный джип подъехал к металлическим воротам и затормозил. Водитель посигналил, и ворота медленно раздвинулись. Джип въехал во двор, проехал по усыпанной гравием дорожке, обсаженной розовыми кустами, и остановился перед большим двухэтажным домом из калиброванных золотистых бревен. Из машины выбрался высокий подтянутый человек с военной выправкой, человек без возраста, с коротким жестким ежиком стальных волос и выдубленной солнцем кожей бесстрастного лица. Прежде чем подняться на крыльцо, он быстро огляделся по выработанной годами привычке всегда и всюду определять уровень опасности.

Двор был пуст, только в дальнем конце большого участка работал садовник, подстригая разросшиеся кусты.

Человек без возраста поднялся на высокое крыльцо, подошел к двери – и дверь послушно распахнулась перед ним, пропустив гостя в просторный холл.

Одну из стен целиком занимал огромный, сложенный из натурального камня камин, на полу перед ним лежала настоящая медвежья шкура. В глубине помещения, возле двери, ведущей в заднюю часть дома, находилась лестница на второй этаж.

Не задерживаясь в холле, человек без возраста поднялся по этой лестнице, прошел по узкой галерее и остановился перед второй дверью.

Лицо его оставалось спокойным, но он машинально одернул светлый пиджак и стряхнул с рукава несуществующую пылинку. Для него это было высшим проявлением волнения.

Это волнение удивило бы всякого, кто знал этого человека. Оно удивило даже его самого.

Ему приходилось входить в личные покои африканского диктатора, о котором говорили, что он съел печень своего политического оппонента; в палатку вождя афганского племени, только что вырезавшего целое селение; в тайное убежище одного из самых опасных международных террористов. Но, пожалуй, никогда еще он не был так взволнован. Тот, кто ждал его за дверью, был опаснее их всех.

Выждав несколько секунд, мужчина постучал.

– Входите, полковник! – донесся из-за двери мягкий, музыкальный голос.

Тот, кого называли полковником, открыл дверь и вошел.

Он оказался в небольшой комнате, вся обстановка которой состояла из нескольких одинаковых стеллажей и длинного рабочего стола, где стояли два микроскопа и еще несколько сверкающих хромом приборов. За этим столом сидела пожилая женщина с аккуратно уложенными волосами цвета темного меда. Женщина что-то внимательно разглядывала в небольшой бинокулярный микроскоп.

Впрочем, она была в этой комнате не одна. На полу возле ее ног лежала огромная угольно-черная собака, а возле окна стоял коренастый мужчина с бледным, растерянным лицом.

При появлении нового гостя собака поднялась, потянулась, зевнула, показав белоснежные клыки, при этом под шелковистой черной шкурой перекатились мощные мышцы.

– Здравствуйтесь, полковник! – проговорила женщина своим музыкальным голосом, оторвавшись от микроскопа и внимательно взглянув на гостя.

– Но вы, кажется, заняты... – тот, кого называли полковником, кивнул на мужчину у окна.

– Нет, мы с майором уже поговорили.

– Но, Елена Юрьевна, я не виноват! – Мужчина у окна шагнул вперед, но собака приподнялась и зарычала. – Я не виноват, так неудачно сложились обстоятельства!

– Я уже все сказала! – холодно оборвала его женщина.

– Дайте мне второй шанс!

– Никаких шансов! Вы знаете, что я не прощаю ошибок! – И женщина хлопнула в ладоши.

Тотчас в глубине комнаты открылась неприметная дверь, и в комнату вошла девушка в скромном темном платье.

– Лиза, солнышко, проводите майора! – приказала хозяйка. – Только, пожалуйста, без шума!

– Я сам найду выход! – выпалил майор и двинулся к двери, через которую вошел полковник.

Собака снова поднялась с глухим, угрожающим рычанием и заступила ему путь.

– Вы совсем разучились вести себя, майор! – холодно проговорила хозяйка. – Вам не туда! Вы выйдете через запасной выход. И я же сказала – вас проводит Лиза!

Майор попятился, оглядываясь, как загнанный зверь. Девушка в темном платье подошла к нему, взяла за плечо. Сильного, подтянутого человека била крупная дрожь, но он послушно пошел к задней двери, куда направляла его Лиза. Собака шла следом, как будто провожая майора в последний путь.

Майор и его спутница скрылись за дверью, собака села на пороге, к чему-то прислушиваясь.

Почти сразу из-за двери донесся негромкий, приглушенный крик. Полковник вздрогнул.

– Я же просила – без шума! – поморщилась хозяйка и продолжила, обращаясь к новому гостю: – Посмотрите, полковник, как она красива!

Полковник не сразу понял, о чем или о ком она говорит. Когда же понял, он послушно приблизился и бросил взгляд на то, что разглядывала женщина. На предметном столике микроскопа лежала огромная яркая бабочка с изящно развернутыми крыльями, покрытыми сложным красновато-коричневым узором.

– Это сатурния атласная, *Attacus Atlas*, одна из самых больших бабочек в мире. Но теперь посмотрите на нее в микроскоп! – потребовала женщина.

Полковник заглянул в окуляры микроскопа – и отшатнулся от неожиданности: перед ним оказалось какое-то уродливое, страшное существо, словно порожденное кошмарным сном.

– Что с вами, полковник? – Женщина засмеялась неожиданно резким, каркающим смехом. – Она вас напугала? А я думала, вас невозможно испугать!

– Простите, Елена Юрьевна, это от неожиданности! Я не думал, что эта бабочка такая...

– Конечно, я понимаю. – Женщина пристально взглянула на него. – Когда видишь перед собой такую красоту – не ждешь, что под ней скрывается нечто совсем другое. Но ведь вы, как и я, хорошо знаете, что так бывает всегда: то, что издали кажется прекрасным и безобидным, таит в себе страшные сюрпризы...

Полковник промолчал: он знал, что его ответа не ждут.

– Что же я, – спохватилась вдруг хозяйка. – Вы с дороги, а я даже не предложила вам чаю... или кофе?

– Лучше чаю.

– Да, конечно! – Елена Юрьевна снова хлопнула в ладоши. Тотчас же в глубине комнаты открылась уже знакомая полковнику неприметная дверь, и появилась та самая девушка в темном платье, которая только что увела майора.

– Лиза, солнышко! – проговорила хозяйка. – Принесите полковнику чашку чая. Насколько я помню, он любит молочный улун.

– Совершенно верно, – кивнул полковник.

Девушка бесшумно удалилась.

Елена Юрьевна проводила ее взглядом и снова повернулась к своему гостю:

– Полковник, вы знаете, почему я так люблю бабочек?

Мужчина знал, что и на этот раз отвечать не нужно. Он просто придал своему лицу вежливо-внимательное выражение.

– Я люблю их за то, что они способны к удивительному, поистине волшебному перерождению. Сегодня она невзрачная гусеница, зеленая или коричневая, завтра – куколка, а послезавтра... послезавтра превращается в прекрасное крылатое существо! В живой летающий цветок! Мы должны учиться у них, должны уметь раскрывать спрятанную в нас красоту... или уродство. Некоторым людям это удается, некоторые люди проходят метаморфозу и удивительным образом меняются, а другие так и проживут всю жизнь невзрачной гусеницей. Впрочем, – спохватилась женщина. – Я пригласила вас не для того, чтобы вы выслушивали эти сентенции. Я хочу показать вам одну вещь... точнее, ее изображение... Подайте-ка мне вот ту книгу! – Она показала на один из стеллажей.

Полковник бережно снял с книжной полки массивный том в кожаном переплете с золотым тиснением, положил на стол перед хозяйкой. Та раскрыла его примерно на середине, показала цветную гравюру, прикрытую для сохранности тонкой папиросной бумагой. – Красивая вещь, не правда ли?

– Да, очень, – согласился полковник, ожидая продолжения.

– Не просто красивая, – продолжила женщина изменившимся, как бы потускневшим голосом. – Это – один из самых значительных артефактов в мире, может быть – самый значительный. Тот, кто владеет этим артефактом, получает в свои руки такую власть... Ладно, не будем говорить раньше времени...

– И кто же сейчас владеет этим артефактом? – осторожно осведомился полковник.

– Сейчас – никто, – ответила женщина, быстро взглянув на него. – В настоящее время артефакт разделен. Но он... Он хочет соединиться, хочет вернуть свою былую мощь. И мы с вами сделаем так, чтобы это произошло. Вы принесете мне все его части, и здесь, в этом доме, произойдет чудо. Он воссоединится, станет единым целым, и тогда... Впрочем, не будем забегать вперед.

Она замолчала, пристально взглянула на полковника и повторила своим мелодичным голосом:

– Не будем забегать вперед. Пока, полковник, вы должны найти и принести мне все части этого артефакта. Я передам вам все материалы, которые у меня есть...

Елена Юрьевна снова хлопнула в ладоши. В комнату тут же вошла девушка с подносом в руках. На подносе стояла чашка чая и лежала тонкая пластиковая папка с какими-то документами.

Полковник бережно взял эту папку, положил ее на край стола, пригубил чай.

Лиза снова тихо удалилась.

Елена Юрьевна дождалась, пока полковник допьет чай, и негромко проговорила своим мелодичным голосом:

– Вы поняли, полковник? Мне нужна эта вещь, очень нужна. Надеюсь, вы мне ее принесете...

Она замолчала, не сводя взгляда со своего собеседника, и это молчание, и этот взгляд были наполнены смыслом.

Полковник отлично понял, что значил этот пристальный взгляд: если он не принесет ей то, что она хочет, ему придется плохо. Очень, очень плохо.

Он почувствовал себя так, как в то мгновение, когда взглянул в микроскоп на бабочку: за красивой оболочкой скрывалось нечто уродливое, безжалостное и опасное.

Агния провела помадой по губам и в последний раз окинула себя взглядом в зеркале. Все в порядке – костюм, макияж и, самое главное, – выражение лица. Спокойное, сдержанное, деловое. Правильно, она здесь не на отдыхе, а по работе. Они с шефом прилетели на антикварный художественный аукцион «Ка Чезаре». Ее шеф господин Боровой – владелец сети антикварных салонов в Москве, Петербурге и еще нескольких городах. Человек, прямо скажем, отнюдь не бедный. Дела у него идут неплохо, уж Агния знает это не понаслышке. Сюда, в Венецию, они прибыли вчера вечером, аукцион начинается сегодня. Как всякий деловой человек, шеф ценит свое время.

Агния посмотрела на часы и заторопилась. Но не успела выйти, как в сумочке зазвонил мобильник.

– Агния Львовна? – послышался в трубке голос Толика. – Антон Степанович просил узнать, вы скоро спуститесь?

Так... Агния с трудом проглотила готовые сорваться с губ резкие слова, сосчитала в уме до десяти. С Толиком нужно вести себя спокойно и сдержанно, никак не реагировать на мелкие колкости. На ее часах без трех минут двенадцать, они договорились встретиться внизу в холле в полдень. Так какого черта?

Либо Толик проявляет инициативу, чтобы досадить ей лишний раз по мелочи, либо шеф встал сегодня не с той ноги и с утра ищет, на ком бы сорвать злость.

– Иду, – сказала она спокойно, – уже спускаюсь.

С Толиком у нее отношения не сложились. Он был у шефа охранником, водителем, иногда нянькой. В тех редких случаях, когда в душе у шефа поднимало голову его рабоче-крестьянское происхождение и он свински напивался. Как говорил дед Агнии, до положения риз.

Справедливости ради следует заметить, что бывало это нечасто.

И как-то раз, когда они все трое находились в гостинице, Толик, уложив хозяина, явился к Агнии в номер. Без стука, дверь открыл сам, это он умел. Свое вторжение он мотивировал тем, что шеф проспал теперь сутки, а делать все равно нечего.

Агния сразу поняла, что с такими людьми никакие разговоры и отказы не помогут, Толик воспримет их как прелюдию к сексу. Поэтому она бросила на пол вазу с цветами, после чего позвонила портю и попросила прислать кого-то, чтобы убрали осколки. Толик обложил ее матом и ушел, а за вазу содрали утром несусветные деньги. Толик, увидев счет, открыто злорадствовал. И еще сказал, чтобы не вздумала жаловаться шефу, а не то он Агнию не убьет, но морду ей попортит.

Агния видела, что он трусит – а вдруг шеф встанет на ее сторону. Но жаловаться не стала – ни к чему это. С тех пор Толик пользовался любым случаем, чтобы ей подгадить по мелочи. Нарочно забывал отправить ее багаж, нарочно сообщал ей более позднее время встречи с шефом, чтобы Агния опоздала. Ну и далее в таком духе.

Агния вышла из лифта и увидела, что шеф нетерпеливо ходит по холлу. И тут же уверилась, что Толик в данном случае ни при чем, просто у шефа в душе проснулось его трудное детство. Или боевая юность. А может быть, даже его остальное криминальное прошлое.

Когда так бывало, то шеф, который и так-то не блистал красотой, становился и вовсе противным. Глазки прятались под нависшими бровями, нижняя губа брезгливо отвисала книзу.

«Как у Габсбургов, – в который раз подумала Агния, – эта фамильная нижняя губа, на портретах даже видно. Только непонятно, причем тут мой обожаемый шеф? Говорил он как-то, что не знает своего отца, так неужели в далекий поселок городского типа, который сам шеф называет форменной дырой, забрел случайно потомок австрийской императорской фамилии?»

Сарказм помогал Агнии переносить шефа, когда он бывал в плохом настроении.

– И где ты ходишь? – рыкнул шеф грозно. – Обождались уже! Знаешь, как дорого мое время?

Агния не ответила, сохраняя на лице невозмутимость. Этому она научилась за время работы с шефом.

– Работать у меня надоело? – не унимался шеф. – Распустились все! Надо вас к рукам прибрать!

Агния перехватила злорадный взгляд Толика. Нет, ну все-таки он примитивен до неприличия, просто одноклеточный какой-то! Ну, знает же прекрасно, что шеф просто пар выпустит, да и успокоится. Шеф в принципе ее работой доволен, так что увольнять в ближайшее время не собирается. А в делах он не человек настроения.

– Лодка ждет уже, – сказал шеф, остывая, – поехали.

Толик проводил их до причала. Сам он оставался в гостинице, там, на аукционе, своя охрана, его услуги без надобности. Поэтому он будет гулять по набережной, глаза на смазливеньких туристок, или пить кофе на открытых террасах кафе. Ничего крепкого шеф не разрешает, даже пива. Только он может себе позволить нажраться, как свинья. Что ж, в общем, это справедливо, тут Агния с ним согласна.

Дармод Толик махнул им рукой, и лодка тронулась по Канале Гранде. Мимо проплывали дворцы и церкви, они обгоняли гондолы, набитые туристами. Солнце отражалось в воде канала, дробилось на ней золотыми осколками.

Навстречу проплыли две гондолы с китайскими туристами. Молодые китайцы устроили гонки, они весело перекликались, смеялись, пели свои песни. Один из них перехватил взгляд Агнии, улыбнулся ей и помахал рукой.

Агния не раз бывала в Венеции и все равно глядела по сторонам в полном восхищении. Все же у нее очень хорошая работа – много ездит с шефом, бывает в разных удивительных местах, имеет дело с красивыми старинными вещами.

Она вспомнила пренебрежительные слова матери, когда та узнала, что дочка поступила на искусствоведческий факультет.

– Что? – спросила мать, брезгливо шурясь. – Ты собираешься стать искусствоведом? Всю жизнь корпеть в каком-нибудь музее над пыльными фолиантами, высохнуть там, как пергамент, не видеть ничего, кроме этого старья. Опомнись, Агния! Это путь к нищете!

Агния только рукой махнула и сделала по-своему. Тогда еще жив был дед, с ним она ничего не боялась.

При воспоминании о дедке привычно кольнуло сердце. Агния помотала головой – не время сейчас печалиться, она же на работе. Да, мать оказалась неправа – вот нашла же она прилично оплачиваемую работу. И очень даже прилично.

Ее шеф Антон Боровой был человеком по-своему интересным. Не внешне, конечно, усмехнулась про себя Агния. Жизнь его была богата приключениями самого криминального характера. По молодости примкнув к браткам, он служил под началом какого-то криминального авторитета, кажется, даже отсидел сколько-то, когда авторитета убили, Агния точно не знала. Если шеф и вспоминал про это, то не в ее присутствии. Так или иначе, оказались у него какие-то деньги, и он решил вложить их в антиквариат. Скорее всего потому, понимала теперь Агния, что все хлебные места были уже заняты.

Образования шеф не имел никакого – восемь классов и то не окончил, про это он сам Агнии рассказывал. Но присутствовали в его характере практическая сметка и чутье на сделки.

Легализовавшись, работал он честно, кидал только мелких лохов, по его же собственному выражению. При всей своей дремучести был шеф далеко не дурак, так что понахватался помаленьку.

Понемногу раскрутившись, взял он себе в консультанты бывшего музейщика и эксперта. Дела шли неплохо, потом консультант состарился и уехал на покой в Израиль к родственникам, рекомендовав на свое место Агнию.

Они когда-то давно были знакомы с дедом. Не дружили близко, но все же... И вот уже два года она работает у господина Борового в качестве консультанта, помощницы, переводчицы, иногда секретаря. Не сказать, что очень приятно иметь с ним дело, но за такую зарплату можно и потерпеть его грубость и невоспитанность. Тем более что никаких границ он не переходит.

Поначалу давал волю рукам – то ущипнет, то шлепнет. Потом заметил, как Агния ожгла его взглядом – не полный чурбан, что есть, то есть. И говорит: не бойся, мол, это у меня привычка такая. А спать с тобой не собираюсь, дело с удовольствием никогда не смешиваю. Я, говорит, тебе столько денег плачу не за это. Вот такая вот логика. На том и порешили. А за эти два года Агния над манерами шефа как следует поработала. Не то чтобы стал он приличным человеком, но частично цивилизовался. В общем, с ним вполне можно ладить.

– Ка Цезаре! – объявил лодочник, и лодка мягко ткнулась в пристань. Агния подняла глаза, увидела дворец – поблекшая терракотовая штукатурка, стройная колоннада, узкие стрельчатые окна. Прелесть затянувшегося увядания. Дворец был прекрасен, как бывают прекрасны начинающие увядать красавицы, сохранившие стройность и грацию прежних дней, но приобретшие неповторимое печальное очарование.

Агния оглянулась на Борового. Шеф, понятное дело, не смотрел на дворец, он что-то читал в своем айфоне. Почувствовав, что лодка остановилась, он встрепенулся, поднялся, тяжело перешагнув на мостки и пошел вперед, не оглядываясь на свою спутницу. Агния перехватила насмешливый взгляд лодочника, пожала плечами, фыркнула и последовала за шефом.

Она легко перебежала на пристань, подошла к дверям дворца, нагнав возле них шефа.

Перед дверями стоял швейцар, облаченный в шитый золотом камзол восемнадцатого века, напудренный парик и башмаки с пряжками. Он произнес что-то с изысканным высокомерием слуги. Боровой оглянулся на Агнию, спросил, отвесив тяжелую губу:

– Чего хочет этот орангутанг?

– Всего лишь наше приглашение.

– Так бы и говорил! – Боровой полез в карман, достал сложенный вдвое листок. Агния поморщилась – приглашение было отпечатано на драгоценной бумаге ручной работы, с тончайшими золотыми нитями, и так обращаться с ним мог только варвар... А впрочем, кто же Боровой, как не настоящий варвар?

Швейцар взглянул на приглашение, ничем не показав своего неодобрения, поклонился и распахнул двери.

Боровой, в своей обычной манере, прошел вперед.

Агния последовала за ним.

Они оказались в просторной колоннаде первого этажа. Как во всех старых венецианских дворцах, которые здесь называют не палаццо, как повсюду в Италии, а особым словечком *ка*, первый этаж Ка Чезаре был непригоден для жизни. Неумолимо поднимающаяся темная вода лагуны плескалась уже у самых ног, драгоценная роспись стен осыпалась и покрылась плесенью. Так что, войдя во дворец, каждый посетитель должен был сразу подняться по парадной лестнице на второй этаж, в главный парадный зал.

Здесь уже кипела жизнь. Почти все участники аукциона собрались и теперь прохаживались, здороваясь со знакомыми, негромко переговариваясь, обмениваясь комплиментами и ничего не значащими замечаниями. Между гостями сновали слуги в таких же, как швейцар, золоченых камзолах, разнося шампанское и канапе.

Агния осматривалась по сторонам.

А здесь было на что посмотреть!

Стены зала покрывали божественные росписи восемнадцатого века – возможно, кисти самого Тьеполо. Неумолимое время и безжалостная сырость повредили эти росписи, но это им только шло, и сквозь патину они казались еще прекраснее.

Стены между росписями украшали старинные шпалеры – тканые ковры, которые многие по незнанию называют гобеленами. Агния была профессионалом и знала, что гобелены – это изделия только французской мастерской семьи Гобелен. Эти шпалеры были, несомненно, итальянскими, но работа превосходная.

Боровой пил уже второй бокал шампанского. Агния порадовалась, что он хотя бы прилично одет. Она сумела внушить ему, что на такое особенное мероприятие, как сегодняшний аукцион, нужно надеть не костюм от Армани, а классическую темную пару, сшитую на заказ портным с Севил Роуд в Лондоне. Со своей массивной, внушительной фигурой он выглядел неплохо.

Наконец слуги открыли двери большой гостиной, участники аукциона заняли свои места, и ведущий, знаменитый аукционист Тимоти Буковски, поднялся на возвышение.

Поздравив участников с началом торгов и пожелав всем удачи, он объявил о первом лоте.

Торги начались довольно вяло: все знали, что вначале выставляются менее интересные вещи, так сказать, для разогрева публики. Хотя Буковски со свойственным ему красноречием расхваливал достоинства первого лота – позолоченной дарохранительницы семнадцатого века, – за нее дали лишь немного больше первоначальной цены.

Затем пришла очередь мраморной статуи, предположительно работы Кановы. Торги оживились, в разных концах зала поднимались руки с приглашениями, показывая увеличение ставки, и в конце концов статуя ушла за двойную цену.

Агния оглянулась на своего шефа. Боровой явно скучал, предложенные лоты его не интересовали, от нечего делать он глазел на других участников аукциона.

Следующий лот вызвал оживление. Это был старинный арабский меч в драгоценных ножнах, по некоторым сведениям принадлежавший легендарному полководцу Саладдину.

На этот раз Боровой включился в торги, пару раз поднял цену, но затем все же отступился, и меч Саладдина достался важному арабу в белоснежном одеянии.

Следующим лотом был старинный кубок, предположительно каролингского периода. В стенку кубка был вправлен крупный темно-синий камень, окруженный десятком других, поменьше, по кругу шла тонкая гравировка.

Со своего места Агния не могла разглядеть деталей, она раскрыла каталог аукциона и нашла этот кубок.

Бородатые люди в боевых доспехах, конные и пешие воины... Агния почувствовала странное волнение. Где-то она уже видела такую гравировку... Причем не в музее, не на аукционе...

Прежде она никогда не жаловалась на память, но теперь никак не могла вспомнить, где попадались ей точно такие же воинственные бородачи.

Она покосилась на Борового – и удивилась происшедшей в нем перемене. Антон сидел, вцепившись в подлокотники кресла, и не сводил глаз с выставленного на продажу кубка. Он тяжело дышал, к лицу его прилила кровь...

– Антон! – окликнула шефа Агния.

Она хотела напомнить ему, что первая заповедь аукциона – никогда не показывать свой интерес к вещи, держаться спокойно, невозмутимо, чтобы конкуренты ничего не заметили по твоему лицу. Но Боровой ее не слышал, его внимание было приковано к кубку.

Ведущий объявил начальную цену – она была очень высока – и Антон тут же поднял руку с программкой.

– Спасибо, господин в третьем ряду повысил цену... – проговорил Буковски своим знаменитым бархатным голосом. – Кто предложит нам больше?

В заднем ряду поднялась рука. Это был маленький худощавый японец с белым, как бумага, лицом. Буковски кивнул, произнес новую цену и снова оглядел зал.

Боровой опять вскинул руку.

– Спасибо, господин в третьем ряду...

– Не спешите! – прошипела Агния. – Выждите! Так вы чересчур взвинтите цену!

На этот раз шеф услышал ее, покосился недовольно, но все же постарался взять себя в руки.

Японец больше не поднимал цену, но зато справа поднял руку колоритный смуглый мужчина с испанской бородкой. Буковски поблагодарил его, снова оглядел зал.

На этот раз Боровой проявил выдержку.

Аукционист поднял молоток, ударил по столу... и только тогда шеф вскинул руку, снова поднимая цену.

– Благодарю, господин в третьем ряду! – проговорил Буковски и снова огляделся.

И тут господин с бородкой опять поднял цену.

Агния взглянула на шефа. Он был не похож на себя – нижняя губа тряслась, глаза горели...

– Шеф, – окликнула его Агния. – Бог с ним, с этим кубком! Он не стоит таких денег!

– Заткнись! – прошипел шеф, не сводя глаз со сцены.

Аукционист снова ударил по столу молотком – и Боровой опять поднял руку, прибавляя цену.

Зал затих – все участники аукциона почувствовали, что на их глазах разыгрывается настоящая драма, кипят нешуточные страсти. Боровой и мужчина с эспаньолкой схватились всерьез, цена на кубок поднялась уже до немыслимых высот.

Агния не понимала, что происходит с шефом. Он так поднял цену, что давно превысил сумму, которую планировал истратить на все свои приобретения на этом аукционе, больше того – он приближался к пределу своих свободных средств. Впрочем, хозяин-барин, это его деньги и его решение, пусть поступает, как хочет...

Боровой снова поднял цену.

Аукционист ударил молотком раз, второй раз... поднял молоток для третьего удара и на мгновение задержал руку, глядя на мужчину с эспаньолкой.

Весь зал вместе с ним затаил дыхание.

Конкурент Борового медлил, и молоток с глухим стуком опустился на стол.

– Продано! – возгласил Буковски торжественно.

И зал зааплодировал – что на аукционах бывает очень редко.

Агния посмотрела на шефа.

Боровой смотрел перед собой растерянно, он был как будто в трансе, от которого сейчас медленно пробуждался. Нижняя губа его дрожала, как в минуты самого сильного волнения, однако он выглядел удовлетворенным, можно даже сказать – счастливым.

«Ну и ладно, – подумала Агния снисходительно. – Все мужчины – большие дети, все любят игрушки, и отличаются они только стоимостью этих игрушек. У Борового игрушки очень дорогие, ну так и мне он неплохо платит...»

Торги продолжились, но Борового они, похоже, больше не интересовали. Даже когда на торги выставили работу одного из малых голландцев, которых он всегда любил, Боровой не оживился. Агния следила за происходящим из профессиональных соображений – ей нужно было чувствовать рынок, понимать, какие вещи поднимаются в цене, какие менее популярны.

Наконец торги закончились, участники поднялись со своих мест, сдержанно похлопали аукционисту, как аплодируют известному дирижеру, и снова перешли в парадный зал.

Снова начались разговоры – более оживленные, чем вначале. Возбуждение от торгов действовало на всех, как хмель. Снова вокруг сновали слуги с подносами.

Окидывая взглядом зал, Агния заметила того смуглого мужчину с эспаньолкой, который соперничал с Боровым из-за каролингского кубка. Рядом с ним стояла интересная брюнетка в лиловом платье. Они разговаривали не как люди, случайно столкнувшиеся на светской тусовке, а как старые знакомые. Даже больше, подумала вдруг Агния, как люди, занятые одним делом, как соучастники...

На какое-то время Агния отвлеклась, заговорила со знакомым антикваром из Будапешта. Через несколько минут она увидела Борового. Возле него стояла та брюнетка в лиловом. Агния, которая следила за шефом издали, усмехнулась: он надулся от самомнения и токовал, как тетерев весной. Брюнетка льнула к нему, что-то шептала, то поправляя свою прическу, то натягивая ожерелье из крупного жемчуга, так что нитка едва не рвалась.

Агния пробилась к шефу – им нужно было пройти к администратору аукциона, чтобы решить вопрос оплаты и получить купленный кубок. Брюнетка окинула ее быстрым оценивающим взглядом, повернулась к Боровому и проговорила:

– Мы еще увидимся, я надеюсь! – и смешалась с толпой.

У Агнии осталось какое-то странное ощущение.

Ей показалось, что в глазах этой брюнетки она увидела не обычный женский интерес, а холодный профессиональный расчет.

Они прошли в кабинет администратора.

Боровой с помощью Агнии совершил все формальности по оплате, администратор удостоверялся в проведении платежа, открыл сейф и передал Боровому кубок.

Агния взяла его в руки, внимательно оглядела.

В этом кубке была та особенная, ни с чем не сравнимая подлинность, присущая изделиям раннего Средневековья. Синий камень казался похожим на живой, внимательный глаз, и Агнии вдруг показалось, что этот глаз смотрит на нее – пристально, изучающе.

По краю кубка бежала тонкая гравировка – бородатые воины, крепкие приземистые кони с развевающимися гривами.

И снова у Агнии возникло чувство дежавю, она не могла избавиться от ощущения, что где-то уже видела такую же или очень похожую гравировку...

Администратор поздравил Борового с приобретением. Агния подумала, что поздравлять нужно его самого – аукционный дом выручил за кубок гораздо больше, чем рассчитывал.

Боровой положил кубок в специальный чемоданчик с бархатной подкладкой, поблагодарил аукциониста, и они вышли из кабинета в сопровождении охраны.

На этот раз они шли безлюдным коридором, чтобы миновать большой зал. Агния немного отстала от шефа, она вынула свой мобильный телефон и набрала номер Толика – хотела сообщить ему, что они выезжают, и напомнить, чтобы он встретил их на причале гостиницы.

Телефон охранника не отвечал.

Толик был в своем репертуаре. Агния тихо выругалась и прибавила шагу, чтобы нагнать шефа.

Она проходила мимо бокового темного коридора и вдруг увидела за углом давешнюю брюнетку в лиловом. Она о чем-то вполголоса разговаривала с невысоким и очень худощавым мужчиной, на котором безупречно сидел костюм от Армани. Агния случайно столкнулась с этим мужчиной взглядом и невольно вздрогнула – такие холодные у него были глаза. Холодные, прозрачные и бледно-голубые, как две подтаявшие льдинки. Агнии показалось вдруг, что этот взгляд может порезать, как бритва.

Отбросив это неприятное ощущение, Агния поравнялась с шефом.

Они спустились по лестнице, вышли из дворца.

Уже наступила ночь, и теперь в темной воде канала дробились многочисленные огни древнего города. Вода плескалась у самых их ног, лодка дожидалась совсем рядом. Боровой уверенно перебрался в нее, разумеется, и не подумав подать Агнии руку. Впрочем, она уже этого и не ждала – привыкла.

Один из охранников последовал за ними в лодку – он должен был проводить их до отеля, дальше они попадали под охрану гостиничных секьюрити.

Мотор заработал, лодка плавно отошла от причала и заскользила по темной, маслянистой воде Большого канала.

Канал и в этот поздний час был оживлен, по нему взад и вперед скользили нарядно раскрашенные гондолы с ярко пылающими старинными фонарями, обычные моторные лодки с веселящейся публикой. Агния снова почувствовала неповторимую прелесть этого прекрасного, увядающего города.

Вспомнив о своих обязанностях, Агния снова попыталась дозвониться до Толика, но телефон его по-прежнему не отвечал.

Скоро они подплыли к пристани отеля, вышли из лодки.

Толика на пристани не было.

Боровой огляделся, едва заметно поморщился и вошел в отель.

В холле было безлюдно, но из распахнутых дверей бара доносились громкие голоса, звуки музыки. Агния бросила туда взгляд – и увидела Толика. Тот сидел возле стойки бара рядом с полноватой блондинкой. Перед ним стоял полупустой бокал мартини.

Боровой перехватил взгляд Агнии и тоже увидел охранника. Он грозно нахмурился, свернул в бар и рывкнул на Анатолия:

– Ты почему нас не встретил?

– Я ждал звонка, – ответил тот, ничуть не смутившись.

Полная блондинка испарилась, как будто ее унесло сквозняком.

– Я тебе два раза звонила, – проговорила Агния.

Она никогда не вмешивалась в отношения шефа с охранником, но здесь явно был камень в ее огород. Толик не расслышал звонок из-за громкой музыки и теперь хотел свалить вину на нее.

– Ничего не звонила... – огрызнулся охранник, но под грозным взглядом шефа сник. – Наверное, у меня телефон разрядился...

– За те деньги, которые я тебе плачу, – отчеканил Боровой, – ты мог бы хотя бы вовремя заряжать телефон!

Он хотел еще что-то сказать, но в это время в баре появилась та самая брюнетка в лиловом, которую Агния видела на аукционе.

Увидев Борового, она изобразила бурную радость:

– О, мы с вами, оказывается, остановились в одном отеле!

Боровой, тут же забыв об охраннике, просиял:

– Ну да, где же еще останавливаются приличные люди? По-моему, это лучший отель в Венеции...

– Уж мартини здесь определенно самый лучший, можете мне поверить! Это, несомненно, судьба! – проворковала брюнетка и на мгновение прильнула к Боровому.

Агнии, которая наблюдала за происходящим со стороны, этот жест показался каким-то ненатуральным. Да и во всем поведении брюнетки сквозила явная фальшь. Эта фальшь проявлялась в первую очередь в несоответствии слов женщины и выражения ее глаз – трезвого, сосредоточенного. Казалось, что брюнетка не болтает в баре отеля, а делает какое-то серьезное и ответственное дело.

Впрочем, подумала Агния, может быть, во мне говорит какая-то неприязнь. Уж не ревную ли я?

Это было смешно – ревновать такого грубого, невоспитанного типа с криминальным прошлым.

Однако Агния вспомнила о своих профессиональных обязанностях и окликнула Борового:

– Антон, нужно отнести покупку в сейф!

– Ах да... – Лицо Борового на мгновение стало озабоченным. – Ну, я надеюсь, мы еще встретимся...

Втроем они поднялись на лифте на третий этаж, подошли к номеру шефа. Боровой полез в карман за электронной карточкой, открывающей дверь. На лице его появилось недоумение:

– Черт, куда же она запропастилась?

Агния, которая хорошо знала привычку шефа терять гостиничные ключи, на всякий случай всегда брала вторую карточку себе и тут же достала дубликат.

Но перед ее внутренним взглядом отчего-то встала сцена в баре – брюнетка в лиловом, на мгновение прильнувшая к Боровому, и сосредоточенный, настороженный блеск ее глаз... Не украли ли она у шефа карточку?

«У меня определенно развивается паранойя», – подумала она.

Они вошли в роскошный номер шефа.

Боровой открыл сейф, положил в него кубок, напоследок еще раз на него полюбовавшись, закрыл дверцу.

– Антон, поменяйте шифр! – проговорила Агния неожиданно для себя самой.

– Что? – переспросил Боровой удивленно. – Зачем?

– Не знаю... на всякий случай... Это же очень дорогой кубок, правда? Лучше подстраховаться.

– Ну ладно, раз уж ты настаиваешь... но я его не запомню... Ты же знаешь, у меня плохая память на цифры.

– Я запомню. А прежний вы запомнили?

– Я его записал...

– Записал? – ужаснулась Агния. – И где вы его записали?

– Да где-то здесь... – Боровой полез в карман. – Черт, эта бумажка была там же, где ключ от номера...

– Ну, так еще раз говорю – поменяйте шифр и нигде его не записывайте!

– Ладно, ладно, ты права! – примирительно проговорил Боровой и повернулся к Толику:

– Сходи пока, принеси чемоданчик для ценностей. Ну, тот, ты знаешь...

Боровой всегда возил с собой специальный стальной, обшитый кожей чемоданчик, который пристегивался браслетом к руке. В этом чемоданчике он перевозил деньги и особенно ценные предметы.

Толик кивнул и удалился.

Боровой установил на сейфе новый шифр и потянулся:

– Ну все, на сегодня ты свободна!

Агния кивнула и вышла из номера.

Она направилась было к лифту, но возле него стояла старушка с завитыми волосами с горничной и четырьмя собачками. Одну собачку держала сама хозяйка, двух – горничная, а четвертая спрыгнула на пол и побежала в конец коридора.

– Софи, какая ты неловкая! – распекала старушка горничную. – Поймай сейчас же Мариусу! Да смотри, остальных не распусти! Нет, ну какая же ты растяпа!

Агния поняла, что это – надолго, и направилась к лестнице.

Спускаясь по ней, она разминулась с худощавым человеком в голубой униформе с логотипом телефонной компании. Он поднимался ей навстречу с озабоченным видом.

На какое-то мгновение их глаза встретились.

Агния почувствовала смутное беспокойство.

Она все же спустилась, подошла к двери своего номера и остановилась перед ней как вкопанная.

Она вспомнила, где видела встретившегося ей на лестнице человека.

Она узнала его глаза – холодные, полупрозрачные, как две подтаявшие льдинки. Она видела его в коридоре дворца Ка Чезаре, где он разговаривал с брюнеткой в лиловом. Просто тогда он был в дорогом костюме, а сейчас – в униформе телефонной компании, а униформа делает человека почти неузнаваемым...

Заволновавшись, Агния достала мобильный телефон и набрала номер Борового. Шеф не отвечал.

Агния забеспокоилась еще больше.

Она позвонила Толику.

На этот раз охранник ответил сразу, но, узнав ее голос, недовольно проворчал:

– Ну, что тебе нужно?

– Ты где? – ответила она встречным вопросом.

– А тебе какое дело?

Толик явно нарывался на скандал, но Агнии было не до того.

– Я звоню шефу, а он не отвечает.

– Ну, может, спать лег или...

Охранник по инерции хамил, но похоже, что он и сам забеспокоился. В конце концов, безопасность шефа – это его работа.

– Поднимайся к его номеру! – отчеканила Агния, отключила телефон и бросилась к лифту.

Лифт был занят – наверное, дама с собачками еще не собрала всю свою свору. Агния стремглав взбежала по лестнице, подбежала к номеру шефа. Сзади послышались быстрые приближающиеся шаги – это поспешал Толик.

Агния постучала в дверь, но никто не отзывался.

Она полезла за своим дубликатом ключа, но тут же вспомнила, что отдала его Боровому.

– Ну, что там? – нетерпеливо проворчал Толик.

В это время сзади снова послышались шаги.

– Господа, у вас какие-то проблемы? – прозвучал за спиной у Агнии подозрительный голос.

Она обернулась и увидела коридорного.

– Дело в том, что господин Боровой не отвечает ни на телефонные звонки, ни на стук! – выпалила Агния как могла убедительнее.

– Может быть, он не хочет, чтобы его беспокоили? – в голосе коридорного звучало неодобрение.

– А может быть, с ним что-то случилось?

– В нашем отеле никогда ничего не случается!

– У господина Борового большое сердце! – соврала Агния. – У вас есть универсальный ключ! Откройте дверь!

– Я не знаю... – замялся коридорный. – Могу ли я... Я должен связаться с администратором...

– Пока вы будете связываться с администратором, господин Боровой может умереть, и тогда я гарантирую вам такой иск, что ваша гостиница разорится! – Агния нарочно повысила голос.

И коридорного это подхлестнет, и если там, за дверью, кто-то есть, пускай слышит.

Этот аргумент подействовал. Коридорный достал универсальный ключ, открыл дверь.

То есть он только начал ее открывать, как вдруг дверь распахнулась, ударив коридорного, и из номера стремительно вылетел человек в униформе телефонной компании. Коридорный упал, человек в униформе перескочил через него и бросился к лестнице.

– Держи его! – крикнула Агния Анатолию.

Охранник бросился вслед за убегающим человеком, сама же Агния вбежала в номер Борового.

Антон навзничь лежал на полу недалеко от двери.

Агния застыла на месте, как громом пораженная.

Она словно перенеслась на два года назад, в ту страшную секунду, когда вбежала в кабинет деда и увидела на полу его неподвижное тело и расплывающуюся темно-красную лужу...

Дед лежал тогда в точно такой же позе...

Агния встряхнула головой, чтобы сбросить наваждение, чтобы осознать, что это – не дед, что это – всего лишь ее шеф, ее работодатель, опустилась на колени рядом с Боровым, попыталась найти пульс – но его не было. Тут она заметила, что грудь Борового в крови, и она сама уже перепачкалась в этой крови.

Сзади к ней подошел перепуганный коридорный.

– Что с господином Боровым? – проговорил он растерянно. – Ему плохо? Ему нужен врач?

– Ему уже не нужен никакой врач. Разве что – выписать свидетельство о смерти... Вот теперь самое время вызвать вашего администратора! Он мертв, понимаете?

Агния сама ужаснулась, произнесла вслух эти слова. Но, судя по всему, так оно и было.

Но прежде чем появился администратор, из коридора донеслись торопливые шаги и в номер влетел охранник Анатолий.

– Что... что с ним? – проговорил он, тяжело дыша.

– Видишь? – Агния поднялась, отступила в сторону. – Он мертв... убит...
– Вот черт... – выдохнул Анатолий. – Пакость какая!

Он повернулся к Агнии, скривил рот, явно собираясь сказать ей очередную гадость, наорать, обругать, но вовремя передумал. Агния же спросила его для порядка, хотя уже знала ответ:

– Ты не догнал того человека?

– Нет. – Анатолий опустил глаза. – Он куда-то скрылся, явно хорошо знает планировку отеля...

– Это не наш человек! – возмущенно выпалил коридорный. – Это не наш сотрудник!

– Ты! – Анатолий дал волю своему гневу и пошел вдруг на коридорного, словно собирался его растоптать. – Ты, козел, еще будешь тут мне вкручивать! На нем форма была. Да я от этого гадюшника камня на камне не оставлю!

Они начали переругиваться. Агния с тоской огляделась по сторонам и только теперь увидела, что распахнут стеной шкаф, в котором находился сейф. Дверца самого сейфа была закрыта. Агния шагнула к сейфу, чтобы проверить его содержимое, и увидела на полу какой-то клочок бумаги. Машинально наклонившись, она подняла этот клочок, взглянула на него.

Это оказался обрывок бумаги, на котором сохранились две цифры.

Две первые цифры прежнего кода от сейфа. Того кода, который Боровой сменил по настоянию Агнии.

Тут же она вспомнила, что Боровой только что потерял карточку-ключ от номера и листок, на котором записал код, не надеясь на свою память... В ее голове промелькнула еще какая-то важная мысль, но тут раздался озабоченный голос, и в дверях номера появился администратор отеля.

– Что здесь произошло? – проговорил он таким тоном, как будто само его присутствие должно было немедленно волшебным образом восстановить порядок.

С необъяснимым злорадством Агния видела, как высокомерное выражение сбежало с его лица.

Они вышли из самолета, провожаемые испуганными взглядами стюардессы. Торопиться было некуда, поскольку их жуткий груз вытащат из самолета в самую последнюю очередь.

Сначала дела не столь печальные. Поток пассажиров вливался в зеленый коридор, Агния с Толиком свернули в красный, им было что декларировать.

Документы были у нее, чемоданчик с драгоценным кубком пристегнут к запястью Толика. Таможенник долго вглядывался в документы, Агния спокойно ждала – не в первый раз.

– А где владелец? – Таможенник поднял голову и посмотрел на Агнию с подозрением. – Ах да... Откройте!

Агния невольно дернулась, когда таможенник взял в руки кубок из открытого Толиком чемоданчика. Она была твердо уверена, что в присутствии владельца он бы такого себе не позволил. Но владелец в данный момент в закрытом гробу ждет, когда его вытащат из багажного отделения. Спокойно ждет, торопиться ему некуда, все плохое с ним уже случилось.

Почему – это вопрос особый. В спешке и суматохе последних дней Агния так и не сумела выяснить этот вопрос хотя бы для себя. Полиция сказала, что действовал грабитель. Не случайный, поскольку высмотрел, очевидно, господина Борового на аукционе. Видел, что он приобрел драгоценный кубок, ну и... Нужно было сразу же положить ценную вещь в банк, сказал комиссар полиции.

Агния тогда ответила, что она так бы и сделала, но хозяин сам решал, как ему лучше. Комиссар пожал плечами – он хорошо изучил нравы русских. Агния рассказала все честно. И про неизвестную брюнетку в лиловом, что вертелась возле Борового на аукционе и тут, в гостинице, и про человека с глазами как лед, которого она встретила на лестнице, и про исчез-

нувший ключ от номера. Комиссар выслушал все очень внимательно и сказал, что налицо классический случай ограбления. И да простит его Бог, но господин Боровой в данном случае вел себя очень неосмотрительно. За что и поплатился. И ограбление не удалось только потому, что синьорина Агния уговорила своего работодателя сменить код сейфа. И потом, почувствовав неладное, поспешила наверх, таким образом не дав грабителю необходимого времени.

Брюнетка, разумеется, исчезла бесследно. На аукционе тоже не смогли ничего определенного сказать про нее. В общем, комиссар отводил глаза и глубокомысленно глядел в потолок.

Анатолий скандалил в отеле. Мешая русские и английские слова, он грозил администрации отеля всеми карами. Агния предполагала, что владелец отеля, в конце концов, сумел договориться с полицией, чтобы им разрешили уехать как можно быстрее. Толик притих, видно думал, что его ждет в Петербурге.

Ладно, сейчас не время об этом думать. Таможенник, наконец, положил кубок на место, Толик запер чемоданчик и пристегнул к своему запястью. Теперь нужно было разбираться с документами на тело. Они были у Толика, именно он в Венеции бегал по скорбным делам, пока Агния давала показания в комиссариате и утрясала вопросы с администрацией отеля.

Господи, сколько бумаг пришлось выправить! Бюрократия в Италии ужасная.

Толик подал в окошечко аккуратно сложенную пачку документов, Агния стояла рядом. Было видно, как безликая женщина перебирает бесчисленные бумаги.

– Так, а где разрешение на вывоз тела от медицинских властей? – спросила она.

– Все должно быть там, – тихо сказала Агния, понимая уже, что разрешения нет. Тетка введливая и настырная, ничего не пропустит, работа у нее такая.

Женщина покосилась на Агнию и демонстративно перебрала бумаги.

– Нету!

Агнию охватила дикая ярость.

– Ты совсем рехнулся? – процедила она, повернувшись к Толику. – Нашел время гадости делать! Отдай немедленно разрешение, скотина!

– О чем это вы, Агния Львовна? – спросил Толик.

И сделал удивленный вид. Не было в его взгляде обычного злорадства, а было что-то непонятное. Вчера вечером он клялся ей, что все в порядке, Агния же так устала, что не настаивала на проверке документов. Все было в синей папке, но чертово разрешение она видела собственными глазами. И там, в аэропорту Венеции, его ведь проверяли.

– Куда ты его дел? – спросила Агния тихо.

– Да я к этой папке и не прикасался!

Наверное врет, подумала Агния, ведь она же заснула в самолете на полчаса. Но зачем ему это все?

– Так я жду, – напомнила о себе безликая женщина.

Агния нервно перерыла свою сумку еще раз, хотя и знала, что никакого разрешения там быть не может. Неужели оставили его там, в Венеции?

Последующие сорок минут она провела у телефона. В результате напряженных переговоров выяснилось, что никакой бумаги они в аэропорту не забывали, но у итальянских властей все в полном ажуре, то есть документ был. Агнию адресовали туда, где документ был выдан. Там долго не могли выяснить, кто же ей нужен, наконец, со свойственной итальянским сотрудникам неторопливостью соединили с нужным человеком. Он вспомнил Агнию и согласился, чтобы помочь синьорине, выслать разрешение по факсу. Но только после обеда. Агния рассыпалась в благодарностях и поняла, что ждать факса придется не менее полутора часов.

Агния перевела дух и поняла, что сейчас прямо тут упадет с ног. Сказалось нечеловеческое напряжение, в котором она пребывала три последних дня.

Она облокотилась о стену и вдохнула глубоко, как учил дед. В три приема – раз, два, три. И еще раз, и еще. Через некоторое время огромное помещение аэропорта перестало кружиться, и прорезался ровный гул голосов.

Когда она вернулась к Толику, он убирал в карман мобильник.

– Ну, теперь по твоей милости мы будем болтаться по аэропорту с чемоданчиком ценой в полтора миллиона долларов, – устало сказала она, – и чего ты этим добился?

– Слушай, я виноват, – сказал он, – наверно, я эту бумагу посеял где-то. Давай сделаем так: ты поедешь в офис, там машина ждет уже. А я тут дождусь факса и разберусь. Они там небось уже извелись, нас с кубком дожидаясь. А этого, – он махнул в сторону, где за окном виднелся их самолет, – никто особенно и не ждет, торопиться-то теперь некуда. Так что езжай. А я уж тут сам.

Агния посмотрела на него. С чего это Толик вдруг стал такой покладистый? Неужели до него дошло, что их стычки не имеют больше никакого смысла? Ведь, судя по всему, работу они вскоре потеряют. Какая уж тут работа, если работодателя нет?!

Агния, может, еще продержится какое-то время, все-таки в делах надо разобраться, а уж Толику-то точно на дверь укажут. Кому нужен охранник, который не уберег охраняемый объект?

Толик проводил ее до выхода и довел до машины. За рулем «Мерседеса» был Василий Степанович, приличный дядька средних лет.

– Здоров будь, Степаныч! – сказал Толик.

Тот буркнул что-то мрачно, он Толика не любил, к Агнии, напротив, относился неплохо. Толик отстегнул чемоданчик и застегнул браслет у нее на запястье.

– Ну, езжайте! Я как только, так сразу...

И посмотрел – серьезно так, и еще что-то было во взгляде. Агния хотела приглядеться, но он уже отвернулся.

– Подожди! – крикнула она вслед, но Толик уже скрылся в здании аэропорта.

– Поехали уж, – ворчливо сказал Василий Степаныч, – не наговорились в самолете-то...

Агния ничего не ответила, знала, что Василий Степаныч человек немногословный, пустой болтовни не любит. Однако сегодня он был настроен на разговор.

– Вот так вот, – сказал он с тяжким вздохом, – был человек – и нету. Еще немного – и позабудут, что он и на свете жил.

– Что там творится? – осторожно спросила Агния.

– Ну что... Этот Лисовский пока что всем командует.

Лисовский был главный юридический советник, а также личный адвокат, и в делах фирмы тоже не последний человек. Господин Боровой ему доверял и ценил за умение выпутаться из любой ситуации с наименьшими потерями, а то и с выигрышем.

– Алина на фирму зачастила, – продолжал Василий Степаныч, – вступает, так сказать, в наследство с его помощью, деловой женщиной представляется.

Тут он хмыкнул, не удержавшись. Агния тоже закусил губы. Алина была женой, теперь уже вдовой Антона Борового. И никак Агнии было не представить Алину деловой женщиной. Этакая гламурная синтетическая блондинка, картинка из дамского глянцевого журнала, все в наличии: круглые голубые глаза, пышные волосы, пухлые розовые губы, бюст, кажется, натуральный, Толик как-то трепался, якобы сам слышал, как она похвалялась.

Все, в общем, есть, только мозгов ни капли. В антиквариате разбирается, как свинья в апельсинах, как собирается дела вести...

– И что Лисовский? – спросила она.

– Да ничего. Очень он своей фамилии соответствует, уж так перед Алиной хвостом метет... А на фирме порядка нету. Так уж всегда бывает: кот из дому – мыши в пляс. И вроде

времени-то прошло всего ничего, а бардак уже крепчает. Вот, сегодня чужую машину дали. На хозяйской-то вдова теперь разъезжает. Для солидности, что ли... Тьфу!

Тут Василий Степанович спохватился, что зря болтает лишнее. Теперь предстоят трудные времена. Его-то, может, и не уволят, поскольку человек маленький, при машине состоит, работа нужная, но если Агния шепнет кое-кому, то вполне могут и выгнать. Нынче доверять никому нельзя. И он замолчал.

Агния была рада этому, откинулась на мягком сиденье и прикрыла глаза. Да, с Лисовским нужно быть настороже, этот своего не упустит. А что, обольстит новоиспеченную вдову, влезет к ней в доверие, будет от ее имени состоянием управлять, а денежки-то немалые... Ее-то Алина точно попросит со временем, она и раньше на Агнию косилась весьма неодобрительно, не нравилось ей, что возле ее мужа молодая да красивая сотрудница постоянно находится. И хотела бы от нее избавиться, да господин Боровой крут был, с ним не поспоришь. Дело для него прежде всего было, а уж работать-то Агния умеет. Разбирается в своем деле, спасибо деду, многому он ее научил.

Снова, как только вспомнила она про деда, привычно заныло сердце. Уж два года прошло с того ужасного дня, да что там – почти три. Как время-то летит, господи...

А эти воспоминания ужасные свежи, как будто вчера все случилось. Как будто вчера вызвала ее с работы соседка – приезжай, дескать, что-то у вас случилось, одна дверь открыта. У деда было две двери, одна стальная, с дорожущими немецкими замками, вторая – деревянная, но такой толщины, что и гранатометом ее не возьмешь. Это дед так шутил. Не понадобился гранатомет, вскрыли дверь.

Агния прижала руку к груди, потому что внезапно стало нечем дышать. Так всегда у нее с тех пор, как на негнущихся ногах вошла она в квартиру и увидела деда лежащим на ковре, который почему-то был не зеленый, а красно-коричневый.

От крови, как поняла она потом.

Деда ударили по голове бронзовым основанием лампы. Лампа была очень тяжелой. Основание представляло собой бронзовую раковину и трех бронзовых же граций, которые держали в поднятых руках круглый сосуд, а из него уже выходил штырь, на который крепилась лампа. Абажур валялся рядом. Агнии лампа никогда не нравилась, ей казалось, что у граций очень неприятное, заносчивое выражение на лицах, с детства сложилось такое впечатление.

И вдруг перед ее глазами встала вторая картина, недавняя.

Боровой, лежащий на окровавленном ковре в такой же позе, как дед...

Агния поняла, что второй раз ее судьба делает крутой поворот, что со смертью Борового ее жизнь резко изменится...

Горло как будто сжали невидимой рукой. Агния почувствовала, что задыхается, замотала головой, чтобы отогнать воспоминания. И снова задыхалась – раз, два, три. Помогло.

Она расслабилась и снова прикрыла глаза. Нужно собраться, судя по всему, в офисе ей предстоит весьма неприятный разговор. И она даже не представляла себе, до чего же он будет неприятный. Она хотела немного отдохнуть, пока они не доехали до места и не начались хлопоты, не началась бесконечная мучительная нервотрепка, неизбежно связанная со смертью шефа.

Но отдохнуть в этот день ей было не суждено.

Машина резко качнулась вправо, водитель вполголоса выругался.

Агния открыла глаза, сонно проговорила:

– Что случилось?

– Да ничего не случилось! – отозвался Василий Степанович. – Просто козел какой-то впереди едет! Еле тащится, а обогнать не дает! Бывают же такие придурки!

Действительно, впереди их машины ехала грузовая фура. Как только Василий Степанович пытался ее обогнать – водитель фуры отклонялся влево, перекрывая дорожную полосу.

– Чтоб тебя... – После очередной безуспешной попытки обгона Василий вернулся на свою полосу, пристроившись за фурой. – Чтоб тебя... тащись теперь, да еще и выхлоп его нюхай...

Водитель фуры еще больше сбросил скорость, как будто нарочно испытывал нервы Василия Степановича. Тот не выдержал и снова пошел на обгон. На этот раз фура не стала ему мешать, ехала по своей полосе, и «Мерседес» почти обогнал ее, как вдруг слева на огромной скорости вылетела зеленая машина.

– Он что – с ума сошел? – вскрикнул Василий Степанович, судорожно вцепившись в руль и пытаясь проскочить между фурой и зеленым автомобилем.

И в это время фура вильнула боком, раздался звук удара, скрежет рвущегося металла, звон бьющегося стекла...

И наступила тишина.

Оглушительная, огромная, всепоглощающая тишина. Как будто весь мир переложили серой ватой, как перекалывают старинные елочные игрушки.

Агния встряхнула головой, пытаясь понять, что произошло и где она находится.

От этого движения тишина разорвалась, рассыпалась на тысячу кусков, на тысячу звуков. Она слышала какой-то шорох и треск, какой-то ритмичный стук и еще чей-то негромкий, полный страдания стон.

Вслед за слухом к Агнии постепенно возвращались и остальные чувства. Еще раз встряхнув головой, она осознала, что полулежит на заднем сиденье машины. Сама машина стоит поперек шоссе, свесившись носом в кювет. На переднем сиденье, навалившись грудью на руль, лежал Василий Степанович. Его светлые, чуть тронутые сединой волосы потемнели – и Агния не сразу поняла, что потемнели они от крови. Водитель застонал – и Агния поняла, что давно уже слышит его стон.

Она вспомнила все, что предшествовало аварии – фуру, виляющую на дороге, безуспешные попытки обгона, вылетевшую слева, как чертик из табакерки, темно-зеленую машину...

Агния попыталась выбраться из салона – но поняла, что ее придавило спинкой переднего сиденья, и выбраться без посторонней помощи она не сможет. Кроме того, она осознала, что давно чувствует боль в левом запястье. Попытавшись поднять левую руку, она поняла, что эту боль причиняет ей браслет прикованного к руке чемоданчика.

И тут, как будто мало ей было смерти шефа, аварии, раненого водителя на переднем сиденье – на нее обрушилось чувство ответственности за этот чемоданчик, точнее, за его безумно дорогое содержимое... Она одна на шоссе, а в этом чемоданчике – полтора миллиона...

В это время она услышала сзади звук подъехавшей машины, приближающиеся торопливые шаги, и озабоченный мужской голос проговорил:

– Как вы – живы?

Агния повернула голову, насколько позволяло ее положение, и увидела рядом с машиной высокого человека в светлой куртке с поднятым воротником и в темных очках. В зеркальных стеклах очков она разглядела помятый «Мерседес» и саму себя – бледную, перепуганную, с растрепанными волосами.

– Я – ничего, – проговорила она, с трудом шевеля пересохшими губами, – вот водитель... он плох. – Она показала глазами на Василия Степановича. – Он очень пострадал... Ему нужна срочная помощь...

– Странно... – Мужчина поправил волосы красивым небрежным жестом, наклонился, заглянул в салон. – Странно, почему не сработала подушка безопасности? Ладно, ему я не смогу помочь, а вот вам нужно выбраться из машины...

Он взялся за ручку снаружи. Агния хотела сказать, что дверца заблокирована, но не успела – он уже непонятным образом открыл эту дверцу, наклонился к ней. Агния почувствовала холодноватый запах его одеколona.

– Осторожно, вас прижало сиденьем... – проговорил незнакомец и потянулся к ней. Вдруг в его руке появился маленький блестящий цилиндрик.

– Что это? – спросила Агния.

Или только хотела спросить, но не успела, потому что из цилиндрика вырвалась струя резко пахнущей жидкости, в глазах у нее потемнело, и Агния провалилась в беспамятство.

Снова сознание вернулось к ней от громких озабоченных голосов, от чых-то прикосновений.

Чужие руки вытащили ее из машины, хотели положить на носилки.

– Не надо, – проговорила Агния, пытаясь подняться. – Я в порядке... Вот водитель, Василий Степанович... он действительно плох!

– Водителя уже увезли, – сказал человек в голубой медицинской униформе, приподняв ее веко и вглядываясь в глаз. – А вы лежите, лежите... вы можете ничего не чувствовать от шока, а потом станет хуже, так что нужно соблюдать покой...

Он взял ее за запястье, чтобы прослушать пульс, и наткнулся на браслет чемоданчика. Тут же окликнул кого-то:

– Да снимите же кто-нибудь этот чертов браслет!

От этих слов Агния окончательно очухалась, соскочила с носилок и проговорила:

– Нет, нельзя снимать! Я отвечаю за этот чемоданчик! И вообще, я в полном порядке!

Она скосила глаза на кейс и с облегчением увидела, что он цел и закрыт.

Правда, оставалось еще какое-то подозрение, но не открывать же чемоданчик сейчас, при всех этих людях...

На всякий случай она чуть заметно встряхнула его и успокоилась – внутри тяжело перекатился кубок.

– Ну, если вы так – смотрите! – проговорил медик с сомнением. – Но если потом почувствуете себя хуже, обратитесь к врачу... Это может проявиться не сразу...

– Да-да, непременно! – пробормотала Агния и огляделась.

Вокруг суетились полицейские и санитары, какие-то люди возились с разбитым «Мерседесом».

– А где тот человек, который меня нашел? – спросила она медика.

– Какой человек? – переспросил тот в недоумении.

– Ну, тот... в черных очках и светлой куртке...

– Вас нашли сотрудники дорожно-патрульной службы. Больше никого здесь не было.

– Как же не было... – Агния вспомнила склонившегося над ней человека, свое отражение в черных стеклах очков, небрежно-красивый жест, каким он поправлял волосы, серебристый цилиндрик в его руке, резкий неприятный запах.

– Здесь был какой-то человек... – проговорила она.

Лицо медика стало озабоченным.

– Я боюсь, нет ли здесь сотрясения мозга... – произнес он, вроде бы ни к кому не обращаясь, потом добавил, на этот раз явно обратившись к Агнии: – Нет, девушка, все-таки нужно вас госпитализировать. Хотя бы временно, обследуем, снимочек сделаем...

– Ах, да оставьте вы! – отмахнулась Агния. – Со мной все в порядке, голова не болит, не кружится. Я же себе не враг все-таки... Мне на работу нужно... Вот только...

Только сейчас до нее дошло, что добраться до офиса будет затруднительно. Машина, ясное дело, не на ходу, да полиция в любом случае не позволила бы ее трогать. Вызвать такси? Так когда еще оно приедет?! А до тех пор торчать тут, на большой дороге, одной с полутора миллионами на руке... Господи, ну за что ей все это!

Она застонала едва ли не вслух. Доктор, собравшийся уходить, повернулся и поглядел ей в глаза.

– Вот что, – сказал он по-свойски, – если хочешь, мы можем тебя в город доставить. Раз уж ты так торопишься. Потому что транспорта тут особо нет. Если только гаишники подвезут, так они когда еще освободятся...

Агния оглянулась. И правда, место аварии огородили, и теперь машины проезжали мимо, не останавливаясь. Можно, конечно, попросить гаишника кого-нибудь тормознуть, но еще неизвестно, на кого нарвешься. А вот странно, что так быстро движение на дороге восстановилось. И куда делась фура? Ведь Агния точно помнит, что фура перегородила дорогу... И еще машина была зеленая, выскочила ниоткуда. И куда они все делись? На дороге стоял один разбитый «Мерседес». Нет, про это лучше не спрашивать, не то опять скажут, что голова у нее не в порядке.

– Соглашайся, – усмехнулся медик, видя, что она испуганно смотрит по сторонам, – доставим в лучшем виде. Быстрее все равно не получится.

Он сам подхватил ее сумку, она же бережно прижала к груди чемоданчик, потому что запястье жгло как огнем, у нее прямо слезы выступили на глазах.

– Ой, какая у нас дивчина! – заорал толстый санитар, впахиваясь в машину.

– Толик, иди-ка ты вперед, я сам с ней поеду, – сказал врач.

Агния вздрогнула, услышав имя Толик. Как-то стало ей нехорошо, что-то такое было связано с Толиком. Но мысли в голове крутились медленно, как черепахи на песке. Неужели у нее и правда сотрясение мозга? Этого еще не хватало!

Она очнулась, когда машина тронулась с места.

– Успокоительный укол сделать? – спросил доктор, внимательно глядя на нее. – Или капелек?

– Не надо. – Агния выпрямилась и поглядела на медика по возможности твердо. – Сама справлюсь.

Не нужно ей ничего пить, и уж тем более никаких уколов не нужно. Ей нужно сейчас сохранить ясную, трезвую голову. Приехать в офис, избавиться от проклятого чемоданчика, а потом уж она подумает, что все это значит. Может, просто пошла у нее черная полоса?

Анька, близкая подруга, например, всегда утверждает, что жизнь идет полосками, как шкура у зебры – белая, черная, потом снова белая. Но что-то черная полоска у Агнии слишком уж широкая, прямо дорога какая-то получается. Ну да ладно, все же она осталась цела после аварии, а бедный Василий Степанович в больнице. Узнать, как он там... А пока нужно собраться с силами.

Она подняла голову и встретила внимательный взгляд доктора. Нормальный взгляд такой, участливый просто. Глаза усталые, небось, сутки дежурит, морщинка на переносице. Черты лица неправильные, но все вместе производит приятное впечатление.

– Ты как? – спросил он негромко и взял ее за руку.

И Агнии захотелось вдруг прислониться к его плечу и затихнуть. Чтобы отпустило хоть ненадолго нечеловеческое напряжение последних дней. Немножко передохнуть от этой гонки. Чтобы рядом был надежный человек...

«Не расслабляйся, – тут же возникла в голове трезвая мысль, – ничего еще не закончено. У тебя на руке висят полтора миллиона».

Она дернула руку, отчего запястье вспыхнуло болью. Доктор внимательно рассматривал рану.

– Сними это, – сказал он, – нужно рану обработать.

– Не могу, – соврала Агния, – ключа нет. И открыть чемоданчик не могу, – добавила она на всякий случай, – кода не знаю.

– Ну-ну, – усмехнулся он, затем вложил ей в руку пакетик, – потом, когда снимешь, обработай мазью и повязку налепи. А то еще зараза какая-нибудь привяжется.

– Спасибо...

Он отпустил, наконец, ее руку, но все качал головой.

Тут у водителя заговорила рация. Узнав, что машина свободна, диспетчер передала новый вызов.

– Повезло девушке, – сказал водитель, не оборачиваясь, – как раз мимо проедем.

Агния подумала было, что кончается ее черная полоса, но решила пока на это не рассчитывать, чтобы не спугнуть удачу.

Офис фирмы господина Борового, ныне покойного, располагался над главным его антикварным магазином. Агния не пошла через помещение салона, чтобы не пугать посетителей. Вид у нее, надо думать, не блестящий после всей этой нервозности.

Острым глазом, однако, она отметила, что охранник, стоящий обычно у входа, нынче вовсе не смотрит ни на улицу, ни на входящих в магазин посетителей, а читает газету. И ворот рубашки у него расстегнут, и сама рубашка несвежая, не иначе, как второй день носит. Раньше такого у них не бывало.

Правильно говорил Василий Степанович, подраспустились все за такое короткое время, кот из дому – мыши в пляс. Ох, не забыть в больницу позвонить, как он там...

Обойдя здание, она свернула во двор, ворота как раз были открыты, пропуская фургон с мебелью. Что-то привезли со склада, надо будет проверить, что там.

Хотя магазин был не в ее ведомстве, Агния наблюдала за ассортиментом, чтобы успеть напомнить шефу, если его понадобится пополнить.

Дверь служебного входа тоже была не заперта, а это уж явный беспорядок. Услышав ее шаги, навстречу выскочил охранник, вытирая рот рукавом.

– Это что такое? – Она указала на дверь и нахмурила брови.

– Так они же все время ходят и ходят! – заговорил он. – То накладную забыли, то филенку потеряли, то еще что-то... Ну сил же нет все время к двери бегать!

Резкая отповедь застыла на губах Агнии. Она услышала в голосе толстого охранника непривычные наглые нотки. Раньше-то все они перед ней лебезили. Вообще у шефа дисциплина была на высоте, пикнуть не смели, знали, что, если что не так – мигом на улицу выставит. А теперь вот осмелели. Но, в конце концов, какое ей дело? У этого кабана свое начальство есть, пускай разбирается. А ей нужно избавиться от чемоданчика и ехать домой, отдохнуть хоть немного.

Агния поднялась по лестнице, прошла по полутемному коридору. Мелькнула мысль зайти в туалет, чтобы хотя бы причесаться, но чертов чемоданчик в буквальном смысле слова жег руку, так что она решила идти как есть.

Встретилась ей только уборщица, которая лениво размазывала грязь по полу. Тоже еще новшество – раньше убирали только после окончания рабочего дня, а теперь вот делают, как им удобно. Из дверей бухгалтерии выглянула озабоченная сотрудница, Агния не вспомнила, как ее зовут. Наткнувшись на Агнию взглядом, девица тихонько ахнула и скрылась в бухгалтерии.

Агния свернула в коридор, где была приемная, в которую выходили двери кабинета Борового и Лисовского, ее небольшой кабинетик был рядом с приемной – почти незаметная дверь без таблички.

В приемной сидела секретарша Нелли Леонидовна – представительная дама постбальзаковского возраста.

Если Агнию жене Борового никак не удавалось выжить, то уж молодую секретаршу она бы ни за что не потерпела. Все в офисе знали, что Алина была у шефа третьей женой, что когда-то она и сама работала секретаршей, то есть знала всю кухню.

Нелли Леонидовна отличалась нравом строгим, характер имела, как она сама выражалась, истинно петербургский, то есть холодный и ровный. Вывести ее из себя было практически невозможно, когда сердилась, она не кричала, только лицо становилось каменным, как у какой-нибудь кариатиды.

Сегодня, однако, лицо ее выражало самые обычные человеческие эмоции, а именно: обиду и злость. В приемной пахло духами, из чего Агния сделала вывод, что вдова господина Борового находится где-то неподалеку. Это ее духи – японские, «Исси Мияки», запах очень сильный, и как это муж терпел...

– Добрый день, Агния, – сухо сказала Нелли Леонидовна, загнав, надо полагать, свои эмоции глубоко внутрь. – Как долетели?

– Плохо, – буркнула Агния, иногда манеры секретаря ее раздражали. Ведь знает уже небось, что у них в аэропорту произошла накладка, но делает вид, что все как надо. Хотя, видно, ей тоже достается, одна вонь эта чего стоит.

Секретарь нажала кнопку переговорного устройства.

– Агния Иволгина здесь, – сухим голосом сказала она.

Это тоже было новое: Нелли Леонидовна никак не обратилась к тому, кто был в кабинете, раньше она никогда так не делала. Все же Боровой взял ее в свое время на работу за представительность и умение держать верный тон в любой ситуации, это она умела.

– Пусть войдет! – послышался из переговорника голос Лисовского.

Ишь ты, уже в кабинете шефа устроился. Агния свободной рукой пригладила волосы и вошла в кабинет.

Там также удушающе воняло духами, и сама хозяйка духов находилась тут же. Новоиспеченная вдова была одета в дорогущий черный костюм с весьма откровенным вырезом.

Справедливости ради следует отметить, что он очень ей шел. Все остальное тоже было на уровне – гладкая прическа, одно-единственное кольцо с бриллиантом – зато каким! Вот макияж был вызывающий, как всегда, ну в конце концов, Агнии-то какое дело...

Игорь Лисовский расположился за письменным столом Борового. Вдова сидела на диване почти напротив. Поза ее была весьма продумана – так лучше всего смотрелись ноги. Агния наклонила голову, чтобы скрыть насмешку в глазах.

– Как вы долго, – сказал Лисовский, не утруждая себя приветствием, что тоже было новостью в их отношениях.

Раньше он всегда держался с ней исключительно вежливо. Никаких намеков на панибратство или на легкий флирт – за этим Агния следила строго.

– Машина попала в аварию, – сказала Агния, решив также не устраивать реверансов, – водитель в больнице в тяжелом состоянии.

– Как так? – вскинулся Лисовский. – Я послал за вами очень опытного водителя.

Агнию неприятно резануло это «я послал». Неужели Лисовский чувствует себя уже полным хозяином? Она скосила глаза на Алину. Та смотрела перед собой нарочито равнодушным взглядом, показывая, что разговор ее не интересует, как впрочем, и сама Агния.

«Похоже, что придется подыскивать новую работу», – с грустью подумала Агния.

Она не сказала, что, по ее мнению, с аварией дело нечисто.

– И где Анатолий? – продолжал Лисовский.

– Он остался в аэропорту, там беспорядок с документами, не разрешают везти тело...

Агния повернулась к Алине, сделав соответствующее скорбное выражение лица, и сказала:

– Алина Михайловна, примите мои соболезнования.

Та подняла на нее глаза. И в этом взгляде Агния прочла застарелую ненависть и презрение. Дескать, нужны мне твои соболезнования, как собаке пятая нога. Теперь я здесь хозяйка, а ты недолго будешь тут работать, уж я за этим прослежу.

Агния мысленно пожала плечами и протянула Лисовскому ключ. Самой ей было трудно отстегнуть чемоданчик. Лисовский наклонился и заметил глубокую ссадину у нее на запястье. И сделал вид, что только сейчас понял про аварию.

Вот уж это чистое вранье – Агния знала, что соображает он быстро, за то покойный Боровой его и держал.

– Все так серьезно? – спросил он.

– Я же сказала, что водитель в больнице, – огрызнулась она, – вы что – не слушаете меня? Да открывайте же скорее!

Она готова была поклясться, что он нарочно дернул браслет, чтобы задеть ее рану. Запястье пронзила мгновенная боль, так что Агния едва удержалась от стога. Она закусила губу и решила завтра же заняться поисками новой работы. И пальцем не пошевелит, чтобы перед увольнением разобраться с делами, нарочно все запутает! Вот пускай они тут сами разбираются. Хотя и так ясно, что все, созданное Боровым, очень скоро пойдет прахом. Да ей-то, конечно, все равно, хотя жалко, и ее трудов столько вложено.

На чемоданчик капнула кровь – эта скотина Лисовский ободрал ссадину до крови. Агния с удовлетворением увидела, что он не заметил и провел по капле рукавом своего дорожного пиджака. Ничего, потратится на чистку, не обеднеет.

Она набрала код на замке и откинула крышку. Кубок был на месте.

– Ну вот, – сказал Лисовский и осторожно взял его в руки. – Алина Михайловна, смотрите!

Он повернулся к подскочившей Алине, но что это...

На месте камня глубокого синего цвета, камня, похожего на синий глаз, смотрящий из глубины веков, зияла пустота.

Агния почувствовала, что сердце ее дернулось, но упало не вниз, а устремилось вверх и застряло где-то у горла. Она потрясла головой, стремясь избавиться от страшного видения, потому что... что это еще могло быть, как не видение, вульгарный глюк – от усталости, от недосыпа, от самолета... Она даже на мгновение зажмурилась, потом открыла глаза и поняла, что это не глюк и не наваждение. Кубок был на месте, но камень исчез. Он был вынут из кубка, причем довольно аккуратно, на взгляд Агнии – вполне профессионально.

Осознав это, она неожиданно почувствовала, что кубок закружился, потом стал расти, приближаясь, и дальше ее накрыла вязкая тягучая темнота. То есть Агния упала в обморок. Как кисейная барышня, говаривал, бывало, дед.

Пришла в себя, надо сказать, она довольно быстро, даже со стула не свалилась. Очнувшись от пощечины, отвешенной сильной рукой Лисовского. Она хотела сказать, что это лишнее, но почувствовала, что язык ей не повинуется. Губы тоже онемели.

Вдруг пронзило ее ощущение дежавю. Точно так же с трудом выплывало ее сознание сегодня в машине. Слышались голоса и шум. Только сейчас вместо симпатичного доктора в голубой униформе она увидела перед собой перекошенное от злости лицо вдовы Борового. Вдова держала ее за плечи и трясла изо всех сил.

– Оставь, как бы она не окочурилась тут! – Лисовский настойчиво оттирал Алину в сторону.

– Да она придуривается! – злобно прошипела вдова. – Думает, мы поверим!

С этими словами она больно ущипнула Агнию за шею.

Как ни странно, это помогло. Язык обрел чувствительность, и Агния смогла даже поднять руки и оттолкнуть вдову. Несильно, но все же та отступила.

– Что это значит? – Лисовский потрясал перед ней кубком.

«Авария, – соображала Агния, – тот человек, что подошел к машине. Он брызнул в меня чем-то из баллончика, затем открыл чемоданчик и вытащил камень. Как раз хватило ему времени, поскольку на дороге никого не было. А потом он уехал, и кто-то из проезжавших вызвал ГИБДД и «Скорую помощь». Иначе и быть не могло, в аэропорту камень был на месте, я сама видела...»

– Я могу объяснить это только аварией. Я находилась без сознания, кто-то мог... – начала она.

– Врешь! – заорала Алина и набросилась бы на Агнию, если бы Лисовский не придержал ее. – Все врешь, сука! Все время крутилась вокруг Антона, а теперь решила меня обокрасть!

– С этим кубком все непросто, – продолжала Агния, обращаясь теперь только к Лисовскому, – это из-за него убили Борового. Они крутились возле него еще на аукционе.

– Почему же не взяли кубок теперь, если вы, как утверждаете, были без сознания? – прищурился Лисовский. – И почему так получилось, что вы поехали с такой ценной вещью одна? Где охранник?

– Но я же вам говорила: он остался в аэропорту ждать документов, иначе не разрешали увезти тело! И он вам звонил, вы сами сказали, чтобы я ехала одна с водителем, это лучше, чем болтаться в аэропорту полтора часа!

– Мне никто не звонил, – отчеканил Лисовский, – и это очень странно. Более чем странно.

Агния почувствовала, как наползает на нее что-то темное и страшное. Ей хотелось вскочить, затопать ногами, заорать, забиться в истерику, бросить на пол вон ту вазу, что стояла на подоконнике. И топтать ногами осколки.

Она сжала руки в кулаки, так что ногти врезались в ладони. И стиснула зубы. Не помогло.

Но то, что ей так хотелось сделать, получилось у Алины. Она вскочила с дивана, куда с трудом усадил ее Лисовский, затопала ногами и завизжала что-то вовсе уж несурзное, самыми приличными словами были «воровка» и «стерва».

И пока Лисовский пытался успокоить безутешную вдову, Агния глубоко вдохнула и выдохнула – раз, два, три. И еще раз, как учил дед – раз, два, три.

Помогло после пятого раза. Теперь она полностью успокоилась.

– Продолжим, – сказала она негромко, по-прежнему обращаясь только к Лисовскому.

Это дед в свое время ее учил – никогда не реагируй на провокации. Пускай сколько угодно человек орет, ты будь спокойна и холодно-вежлива. Тогда гораздо большего добьешься.

– Итак, – сказала она, полностью игнорируя Алину, – вы утверждаете, что я подстроила аварию для того, чтобы украсть камень. Учтите, что авария была, можете справиться в ГИБДД, а также водитель подтвердит, когда придет в себя. Но для чего мне такие сложности? Отчего тогда я не украла кубок целиком? Или еще проще – прихватила бы его там, в Венеции, и исчезла в Европе навсегда. Я вас уверяю, у меня хватило бы связей найти покупателя, который не стал бы интересоваться происхождением такой дорогой вещи. Вы можете это объяснить?

– Это вы должны мне объяснить, – ответил Лисовский.

– Я рассказала вам правду, все так и было, – повторила Агния.

– Да что ты с ней церемонишься? – Алина снова сунулась ближе. – Она тебе мозги запудрит только так! Отдай камень, сука! – заорала она. – Говори, куда его дела!

Она схватила сумку Агнии и вывалила из нее все на пол. И принялась рыться в вещах, как собака в куче прошлогодних листьев.

Агния подавила порыв пнуть вдову ногой в зад и осталась сидеть на месте.

– Хорошо, – процедила она, – вижу, что вы не хотите прислушаться к голосу рассудка. Тогда вызывайте полицию. Вот прямо сейчас, по горячим следам. Раз вы считаете, что камень украла я, – вызывайте!

С этими словами она встала, чтобы быть вровень с Лисовским. Он был роста невысокого для мужчины, так что на каблуках она была даже чуть выше.

– Думаю, вы и сами знаете, – заговорила Агния вкрадчиво, – что будет, если обратиться в полицию. Прежде всего они устроят всестороннюю проверку всех дел фирмы. Мы-то с вами знаем все подводные камни и сложности в деле торговли антиквариатом. У меня, я так понимаю, уже нет никаких обязательств, так что я спокойно смогу ввести их в курс дела. Мне скрывать нечего, я буду достаточно откровенна. А потом вы уж будете разбираться с последствиями.

Агния не шутила – она прекрасно знала, что некоторые сделки Боровой проводил как бы в обход закона и от налогов укрывался. В общем, полиции будет чем заняться, и они устроят

владелице фирмы большую головную боль. Можно и вообще дела лишиться. Или на взятках разоришься.

Вдова этого не понимала – она, как уже говорилось, в бизнесе разбиралась, как свинья в апельсинах. Но Лисовский тут же уразумел подтекст и помрачнел.

– Оставь это! – Он рывком поднял Алину с места и бросил на диван.

– Теперь с тобой, – прошипел он, глядя на Агнию. – Пошла вон! Сию минуту, чтобы я тебя больше не видел здесь. Поняла?

– Поняла уж. – Агния взглядом показала ему, чтобы придержал Алину, которая срывалась с места, собрала, не глядя, все мелочи в сумку и вышла, не обернувшись и не простившись.

В приемной теперь стоял запах валерьянки, которую пила Нелли Леонидовна.

– Дать? – спросила она, кивнув на пузырек.

– Спасибо, обойдусь! – И Агния прикрыла дверь, за которой разгорался скандал. Алина визжала, Лисовский что-то отвечал ей отрывисто.

Агния прошла через приемную и открыла дверь в свой кабинетик. Заперев дверь изнутри, она плюхнулась за стол и уронила голову на руки. Вот так подлянку подкинула ей судьба!

Но как же так вышло?

Все было рассчитано очень тщательно, поняла она. Если оставить пока в стороне вопрос, для чего кому-то понадобился камень, а не весь кубок, то операция проведена очень грамотно. Незвестный подстроил аварию, затем сделал так, чтобы Агния потеряла сознание на время, достаточное ему для того, чтобы открыть чемоданчик и вынуть камень из кубка. Если бы он украл кубок, то Агния, очнувшись, по весу поняла бы, что чемоданчик пуст. Подняла бы тревогу, благо полиция уже приехала. Кто знает, может быть, она запомнила бы человека в лицо или увидела бы его машину...

Допустим, полиция бы по горячим следам проверила все проезжающие машины и что-то нашла. Маловероятно, но риск есть, хотя и небольшой. А так все чисто. Пропажу камня обнаружили только в офисе, то есть похитителя уже не найти. Его никто не видел, кроме Агнии, а ей веры нет – то ли привиделось со страху, то ли в бреду показалось, а скорее всего она вообще все врет.

Да, во всем этом чувствуется тонкий расчет. Фуру наняли и точно знали, когда и каким маршрутом поедет машина с Агнией. А кто мог про это знать? Она сама, водитель Василий Степанович и Толик. Она не в счет, водитель тоже отпадает – сам же чуть жизни не лишился в аварии этой. А просто так сказать лишнее тоже никому не мог – сдержанный человек, спокойный, неболтливый.

Стало быть, остается Толик. Вот как.

Агния встрепенулась, потому что в дверь кабинета кто-то постучал. Не дождался ответа и ушел. Она нашла в углу коробку от принтера и стала выгребать в нее содержимое ящиков. Деловые бумаги она, конечно, не возьмет, а вот личные вещи, некоторые мелочи, что накопились за два года работы, надо забрать. Чтобы никто потом тут не рылся и не выносил ничего на помойку.

Первой попалась под руку фотография деда. В красивой рамочке, она не стояла на столе, а лежала в верхнем ящике, так что Агния иногда смотрела на нее, когда сильно уставала или было мутно на душе. Или когда не знала, как поступить. Не то чтобы она советовалась с дедом, просто, глядя на фотографию, успокаивалась, и решение приходило само.

Сейчас она бросила на фотографию лишь мимолетный взгляд. Сейчас не время для раздумий, и так все ясно.

Стало быть, Анатолий. Не просто так он потерял или спрятал куда-то нужный документ, не из вредности, не из желания нагадить Агнии по мелочи. Нет, тут был у него расчет посе-

рьезнее. Задержаться в аэропорту, чтобы она поехала с кубком одна. А с него таким образом снимается подозрение.

И еще: Лисовский ничего не знал про задержку в аэропорту, Толик ему не звонил, тут Лисовский сказал правду – зачем ему врать? Но кому же тогда звонил Толик? Ведь Агния видела, как он говорил по мобильнику. Она-то думала, что он позвонил Лисовскому, чтобы выслужиться перед новым начальством. Еще усмехнулась тогда про себя – все равно, мол, уволят Толика, кому нужен охранник, который хозяина не уберег?

Выходит, эта скотина Толик сговорился с похитителем. И все делал, как ему велят, потому что сам придумать такой план он уж никак не смог бы, мозгами, что называется, не дорос.

Таким образом, получается, что все упирается в Анатолия. Виноват он или не виноват в смерти шефа – вопрос сложный, скорее всего, договорились с ним уже после убийства Борового. Он своим умишком как рассчитал? Все равно выгонят, а так денег можно срубить, ничего особенного не делая. Свалить все на Агнию – это он с радостью и бесплатно сделает, не сложились у них с самого начала отношения. Агния и сразу-то не больно его привечала – наглый мужик и ленивый, а уж как вздумал к ней приставать, да еще так хамски, тут и вовсе Толик вразнос пошел.

Но чтобы на такое согласиться... Хотя в гадость про эту скотину Агния точно поверит.

Но как заставить его выложить то, что он знает?

Разумеется, по доброй воле он ни слова ей не скажет, а никаких рычагов воздействия на него у Агнии нет... Черт, ну что же это такое, ничего в голову не идет! Да и немудрено, после стольких-то неприятностей...

Вещей набралось неожиданно много, почти полная коробка. Просто удивительно, до чего быстро обрастает человек барахлом. Сложив остальные мелочи в сумку, Агния спустилась в гараж, оставив ключи от кабинета в двери. Ей они больше не понадобятся. Перед выходом она причесалась и подкрасила губы, заклеила рану на запястье пластырем и решила, что вид у нее не то чтобы приличный, но в глаза не бросается.

В гараже фирмы она перед отъездом оставила свою собственную машину. Она часто так делала, Боровой разрешал.

В гараже, на ее счастье, дежурил механик Дима, с которым у нее всегда были хорошие отношения. Нормальный парень, приветливый, спокойный, всегда с улыбкой встречает, и никаких нареканий у него от начальства не бывает – порядок в общем.

– Ты за своей ласточкой? – спросил Дима, увидев Агнию. – Забирай, она в полном порядке, я провел профилактику и бак заправил, – с этими словами он показал на маленький темно-красный «Пежо» Агнии.

– Спасибо, Димочка, ты просто ангел! – Агния поцеловала его в щеку. – Слушай, а Толик еще не вернулся?

– Давно вернулся, часа полтора уже...

– Полтора? – удивленно переспросила Агния. – Ты ничего не путаешь?

– Зачем мне путать? У меня время отмечено! – Дима показал на прищипленный к стене листок.

Агния подумала, что это – еще одна из многочисленных нестыковок. Если Анатолий вернулся полтора часа назад, значит, он выехал из аэропорта сразу же вслед за ней. Но ведь он должен был дожждаться, пока из Италии пришлют факс потерянного документа, если только... Если только никакой документ он на самом деле не терял, а сделал вид, чтобы Агния уехала без него. Ну, разумеется, так оно и было, это еще одно доказательство.

– Да, вот и он! – проговорил Дима, показав на экран, куда выводилось изображение с камеры перед входом в гараж. – Сюда идет!

– Ой, Димочка, не говори ему, что я тут! – взмолилась Агния.

– Что за кошка между вами пробежала? – удивленно спросил Дима.

– Не говори – и все! – И Агния юркнула в свою машину, поставив коробку на сиденье рядом.

Анатолий вошел в гараж, огляделся. Агния согнулась на сиденье, чтобы он не заметил ее. Анатолий переговорил с Димой, сел за руль темно-синей «BMW» и выехал из гаража. Молодец Димка, не подвел, ничего ему не сказал про Агнию. Хороший парень, что и говорить...

Едва машина Анатолия скрылась в воротах, Агния поехала за ним. Она еще толком не знала, что собирается делать, но решила проследить за подозрительным охранником. И лучше это сделать прямо сейчас, по горячим следам.

Темно-синяя машина свернула направо, выехала на проспект и помчалась в сторону Петроградской стороны. Движение в городе очень интенсивное, и следить за машиной Анатолия было просто.

Единственное, что беспокоило Агнию, это приметный цвет ее «Пежо», поэтому она старалась, чтобы между ними всегда были две-три посторонние машины. Впрочем, Анатолий вряд ли думал, что за ним следят. Небось списал ее уже со счетов. Либо, думает, она после аварии в больнице, либо Лисовский сейчас ее по стенке размазывает. В любом случае с Агнией дело уже кончено.

«Ну, это мы еще посмотрим...» – стиснув зубы, подумала Агния.

На Петроградской машин было еще больше, и они еле ползли. Наконец Анатолий свернул с Большого проспекта в один из тихих переулков, припарковался там и дальше пошел пешком. Агния немного выждала и попыталась поставить свою машину неподалеку, но как назло, рядом не было свободных мест. Она медленно объехала вокруг квартала, отыскивая свободное место и в то же время стараясь не упустить Анатолия. Он тем временем сел за уличный столик кафе и оглядывался по сторонам, явно кого-то поджидая.

К счастью, как раз в это время одна из припаркованных напротив кафе машин отъехала, и Агния быстро заняла освободившееся место.

Она заглушила мотор, но не вышла из машины: отсюда ей хорошо был виден Анатолий за столиком кафе.

Едва она заняла наблюдательную позицию, к столику Анатолия подошел какой-то мужчина.

Увидев его, Агния вздрогнула. Светлая куртка, темные очки, но самое главное – характерный, легко узнаваемый жест, которым он поправил волосы...

Это был тот самый мужчина, подошедший к ее машине сразу после аварии. Тот самый мужчина, что брызнул ей в лицо какой-то дрянью, от которой она потеряла сознание.

Агния довершила эту мысль: это был тот самый мужчина, что украл камень из ее чемоданчика.

Она напряглась, вцепилась в руль, не сводя глаз с этого человека.

Анатолий явно дожидался его: он привстал, показал на соседний стул, что-то сказал.

Мужчина в черных очках опустился на стул, снова поправил волосы тем же привычным жестом, склонился к Анатолию и тихо заговорил с ним. Анатолий выслушал и что-то быстро ответил. Точнее – о чем-то спросил, судя по выражению лица. И Агния даже догадалась, о чем, потому что Анатолий произвольно дотронулся до кармана.

Он спросил о деньгах.

Значит, она не ошиблась.

Анатолий не просто был замешан в этой афере, он в ней непосредственно участвовал и теперь хотел получить за свое предательство деньги. Хотел получить свои тридцать сребренников.

Агния услышала странный звук и не сразу поняла, что это она сама скрипнула зубами от злости.

Конечно, она не слишком любила покойного Борового, но убить человека из-за какого-то камня, пусть даже очень дорогого... Это было выше ее понимания. Или наоборот – ниже. Но этот подлец Толик Борового, конечно, не убивал. Там постарались другие. А этот решил нажиться на смерти бывшего хозяина. Дескать, ему теперь уже все равно, так отчего бы и не получить хоть какую-то сумму...

Ну до чего мелкая дрянь... Хороших же сотрудников подбирал себе Боровой! А вроде бы в людях как-то разбирался...

Человек в темных очках что-то проговорил и при этом демонстративно огляделся по сторонам. Агния и на этот раз поняла, что он сказал Анатолию: «Не здесь же!»

Вслед за тем он поднялся и вошел внутрь кафе. Но перед этим вдруг бросил в ее сторону взгляд из-под темных очков. Быстрый и острый. Агния едва успела склонить голову на колени. Хорошо, что коробка стояла на переднем сиденье, можно прикрыться. Но все равно ей стало страшно.

Анатолий опасливо огляделся по сторонам и последовал за своим собеседником. По пути он принял независимый вид и даже слегка загребал ногами, как человек, у которого нет совершенно никаких дел. Ну, выпил пива в летнем кафе, а теперь идет в туалет освежиться, дело житейское...

Агния выскочила из машины, перебежала улицу перед носом какого-то водителя и влетела в кафе. Она успела заметить, как за Анатолием закрылась дверь туалета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.